

Лана Синявская
Женщина-сфинкс
Серия «Приключения ясновидящей
Анны Сомовой», книга 6

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182685
Женщина-сфинкс: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-30854-5*

Аннотация

В страшный кошмар превратилась жизнь Анны. Сначала пропал ее дар предвидения, а однажды, заглянув в зеркало, Аня в ужасе увидела в нем незнакомку с черными, как вороново крыло, волосами... За объяснениями она отправилась к профессору филологии Чебышеву, визитку которого нашла в кармане и сочла это знаком. Но встреча не состоялась – девушка обнаружила его мертвым, с зажатым в кулаке листком с единственным словом: «Шекспир». А вскоре погибла подруга Анны – в ее руке нашли точно такой же листок... Этих людей связывает только Анна, и она не сомневалась: дух великого драматурга хочет о чем-то ее предупредить...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лана Синявская

Женщина-сфинкс

Пролог

Факелы отчаянно чадили. Черный едкий дым клубился под низким сводчатым потолком, стекал по скользким от сырости каменным стенам, висел клочьями у самого пола. В дальнем конце коридора возник силуэт, с ног до головы закутанный в мантию, будто сотканный из этого дыма. Он быстро приближался. Казалось, что плыл по воздуху.

Человек отлично ориентировался в мрачном подземелье. Он уверенно свернул в его самую темную часть, где единственный светильник высоко в стене уже не в силах был справиться с сумраком. Впереди, под аркой, едва различимая, раскачивалась незапертая дверь, полускрытая тяжелым ковровым занавесом.

Взялся за ручку двери и потянул на себя. В этот момент под сводами жутко взвыл ветер.

За дверью скрывалась лестница. Скрипнули деревянные ступени. К завываниям ветра добавился отдаленный, как эхо, колокольный звон.

Отодвинув край занавеса, человек в черной мантии вошел в просторную залу. Здесь освещение было ярче. В камине горели дрова, в глубоких нишах мерцали огоньки тонких восковых свечей.

Помещение напоминало библиотеку, однако это была самая странная библиотека из всех, когда-либо существовавших на земле. Обширная, плохо прибранная зала более походила на пещеру колдуна, нежели на благопристойное хранилище книг. В просторных шкафах с распахнутыми дверцами в беспорядке теснились драгоценные инкунабулы и современные книги, все одинаково растрепанные, с торчащими во все стороны страницами.

Середину комнаты занимал длинный стол, заваленный стопками бумаги, исписанной мелким почерком. В самом центре стола покоилась какая-то толстая книга, подле нее – небольшой медный котел, наполненный голубоватой прозрачной жидкостью, и над всем этим пылал как рубин тяжелый светильник, подвешенный к потолку на длинных проржавевших цепях.

Повсюду виднелись склянки с заспиртованными рептилиями, пучки сухих трав и чучела птиц. В самом темном углу стоял древний погасший горн, а вокруг него громоздились пузырьки, колбы и реторты.

Человек оглянулся, словно ожидая чего-то. Отблески огня, словно пальцы, ощупали его лицо с нахмуренными бровями и плотно сжатым ртом. Он посмотрел в окно. Дождь все еще продолжался. Снаружи темнота стала еще гуще – крошечная ночная мгла, и только в стеклах высоких окон поблескивали отражения горящих свечей.

Густая темнота в одной из ниш вдруг ожила, согретая мягким светом. В комнате не раздалось ни единого звука, но чернокожничек почувствовал, как повеяло холодом. Сердце его ухнуло вниз. Он торопливо обернулся. Полено в камине распалось надвое, взметнув желтовато-синий огонь, который осветил стоявшую у стены девушку. В свете мерцающего пламени она казалась очень красивой: нежное создание, сотканное из длинных теней и кружевного ореола. Слишком прозрачного, чтобы быть реальным.

Появление призрака не удивило и не испугало колдуна. Однако и не обрадовало.

– Я нашел тебе то, что ты просила, – глухо произнес мужчина.

– Покажи! – потребовал едва слышный, хрупкий голосок.

Чернокожничек сделал приглашающий жест, и девушка, словно подхваченная струей воздуха, подплыла к столу, не касаясь ногами пола. Он переставил поближе свечу, чтобы

она могла лучше видеть. Лицо призрака осветилось загадочной улыбкой, но тут лежащий на столе молитвенник полыхнул золотым обрезом, и она в ужасе отшатнулась.

– Извини, – пробормотал алхимик, убирая книгу. – Совсем забыл, что ты этого не переносишь.

Девушка не могла в эту минуту видеть странного выражения, появившегося на лице колдуна. Она беспечно приблизилась к котлу и заглянула в голубую воду.

Некоторое время в тишине слышались лишь шорох шагов, прерывистое дыхание и тихий стук часов, отсчитывающих в углу быстрые секунды.

– Она мне не нравится, – разочарованно протянула девушка.

– Почему?

– Ну... Слишком уж старая.

– По вашим меркам. Все изменилось, не забывай. Теперь тридцать лет – вовсе не старость.

– Да? Но мне было гораздо меньше, когда... – Призрак не договорил, но лицо его помрачнело. Уголки губ поползли вниз, черты лица стали расплываться и терять очертания.

– Ерунда! Она красива, – возразил алхимик. – И очень умна, что тоже немаловажно.

– Пусть. Все равно она мне не нравится. Найди кого-нибудь помоложе.

– У меня нет времени на капризы! – разозлился он. – Точнее, его нет у тебя, – добавил он злорадно.

– Может, у нее есть дети? – примирительно спросило привидение.

– Это не имеет значения.

– Что же тогда имеет? – искренне удивился призрак.

Ответа не последовало...

* * *

Далеко от того места, в современно обставленной спальне на кровати молодая женщина резко открыла глаза. В черных зрачках застыли ужас и непонимание. Ее сотрясаемое мелкой дрожью тело казалось вместилищем боли. Мозг оцепенел. Взгляд зафиксировался в одной точке. Женщина с трудом возвращалась в реальность. От напряжения над ее губой выступили бисеринки пота.

Она пыталась осмыслить увиденное. Неужели это происходит с ней? Здесь и сейчас...

ПОЧЕМУ?

Глава 1

Арсений Полуэктович был зол. Хотя нет. Такие эмоции, как злость, он, будучи интеллектуалом, считал ниже своего достоинства. Он был очень возмущен.

А все эта сумасбродка в апельсиновом жакете.

Не заметить ее вызывающий костюм было невозможно. Яркое пятно бросалось в глаза. Девушка, нахохлившись, сидела на высоком табурете возле барной стойки в маленьком кафе, куда профессор заглянул, чтобы перекусить. Поджав под себя длинные ноги в неприлично обтягивающих черных джинсах и занавесившись копной черных волос, девушка монотонно гоняла по чашке остатки плохо сваренного кофе.

Усевшись за дальний столик, профессор благополучно забыл о ней. Он удобно расположился, приготовился читать конспект будущего выступления и раскрыл толстый растрепанный блокнот. Официантка равнодушно приняла заказ – ничего особенного: рыба с цветной капустой и салат из овощей плюс двойной кофе без сахара – и оставила его в покое на время. Профессор тут же углубился в свои записи, временами произнося вслух куски текста. Его бормотание никому не мешало: кафе в этот час было полупустым.

Чья-то тень заслонила исписанную мелким почерком страницу. Профессор Чебышев раздраженно замычал и поднял голову, собираясь отчитать нерасторопную официантку. Однако его обед уже давно стыл на столике. Возле стола стояла та самая вульгарная девушка в оранжевом.

– Свободно? – спросила она, указывая на свободный стул напротив и нервно одергивая апельсиновый жакет.

Профессор выразительно оглядел пустующие рядом столики и многозначительно прокашлялся.

– Я понимаю, – кивнула девушка, но с места не двинулась.

Кроткий и неконфликтный от природы, профессор растерялся. Девушка ему страшно мешала, она была ни к чему, ее настойчивость выглядела почти неприличной. Кто она и что ей надо? На шлюху не похожа. Профессор имел кое-какое представление о низших социальных слоях общества. Чисто теоретическое, но вполне достаточное. Журналистка? Тоже не то. Слишком уж робкая. Акулы пера имеют хватку бультерьера и сразу берут быка за рога.

Заинтригованный профессор едва заметно кивнул головой и тут же пожалел об этом. Девушка моментально водворилась напротив и уставилась на него. В такой обстановке у Чебышева сразу пропал аппетит. Он раздраженно посмотрел на незваную гостью, но она и не подумала исчезнуть, только тихо и как-то жалобно вздохнула.

Она оказалась хорошенькой. Не то чтобы необыкновенно красивой, но ее бледное лицо обладало какой-то особенной привлекательностью. Такое лицо, увидев однажды, уже нельзя забыть. В нем присутствовало нечто большее, чем красота: неукротимая решимость, энергия и подающее напрасные надежды очарование.

Но больше всего его поразили ее глаза, похожие на лесную чащу – такие же зеленые и полные скользких неуловимых теней. Они то вспыхивали изумрудными искрами, то снова гасли. Это сияние завораживало. Удивительные глаза околдовывали и... немного пугали.

Девочка моргнула. Наваждение прошло. Арсений Полуэктович потряс головой и требовательно спросил:

– Что вам угодно, барышня? – Внезапно его озарило: – Мы с вами уже встречались?

Водился за ним такой грех – плохая память на лица. Девушка вполне могла оказаться одной из его студенток, он вечно путал их имена.

Однако она не воспользовалась предоставленным шансом и отрицательно мотнула головой. Черные волосы порхнули над столом, и она нетерпеливо отбросила их за спину.

– Вы меня не знаете, – спокойно сказала девушка.

– Так в чем же дело?!

На мгновение профессору показалось, что она и сама не знает ответа на этот вопрос, но он отмел догадку как абсурдную. У нее обязательно должна быть цель, ведь она докучает ему – профессор покосился на часы – целых четверть часа!

Отчаявшись получить объяснения, профессор съел свой остывший обед в полном молчании. О том, чтобы продолжить работу в такой нервной обстановке, не могло быть и речи. Не заработать бы несварение.

Как раз в этот момент профессор поперхнулся.

– Да что же это такое?! – взмолился он, громко кашляя.

Даже спустя много часов после той странной встречи у профессора запершило в горле от воспоминания.

Все она наврала, эта ненормальная!

Он будто наяву увидел, как она, вдруг набравшись решимости, тряхнула гривой спутанных черных волос и резко ткнула пальцем в кожаный переплет его рабочего блокнота со словами:

– Здесь скрывается зло!

– Что за чепуха? – опешил профессор.

– Я не шучу. Расскажите мне об этом! – Тонкий палец с длинным ногтем вновь уткнулся в тетрадь.

Профессор разозлился не на шутку и ответил излишне резко:

– Я не обсуждаю результаты своих исследований частным образом.

Девушка нахмурилась.

– Если хотите знать, то потрудитесь явиться на семинар на общих, так сказать, основаниях.

– Семинар? – Она явно не соображала, о чем речь. – Когда и где он состоится?

Немного помедлив, Арсений Полуэктович неохотно протянул ей глянцевый прямоугольный блокнот с координатами. В его душе теплилась надежда, что теперь-то девушка отвяжется.

Не тут-то было. Она, не глядя, сунула визитку в карман и вдруг затрясла в воздухе рукой, будто обжегшись. Ее взгляд стал испуганным, потом мрачным. В конце концов она спросила Чебышева:

– Спорим, все про вас угадаю?

Пока он приходил в себя, она придвинулась ближе и без разрешения ухватила тонкими пальцами его ладонь. Кошачьи глаза уставились в извилистые линии. Тень от ресниц, как крылья черной бабочки, упала на алебастрово-белые щеки.

Девушка заговорила, и он не поверил своим ушам. Откуда ей известны такие подробности? Спокойным и ровным голосом студентки-отличницы она буднично рассказывала о его тайных мыслях, надеждах и сожалениях, точно называя даты и имена действующих лиц из его прошлого. Ее способности привели его в восторг. Будучи впервые в этом городе, он полностью исключал возможность мошенничества. Девушку он никогда прежде не видел, в этом нет ни малейшего сомнения. Но она знала о нем все!

Профессор слушал, затаив дыхание. И вдруг она выпалила с потемневшим лицом:

– Не ходите сегодня в гостиницу!

– А где ж мне спать? – справедливо удивился он.

Девушка поморщилась:

– Да где хотите. Только не в гостинице.

– А если я не послушаюсь?

Она посмотрела на него с сожалением и нехотя произнесла:

– Тогда вы умрете.

– Шарлатанка! – взвизгнул Чебышев. – Пошла вон! Быстро! Убирайся!

Щеки девушки заалели, словно он отвесил ей пощечину. Она пыталась еще что-то сказать, но старик вскочил со стула и затопал ногами, продолжая ругать ее.

Девчонка сдалась. Швырнув на столик смятую купюру, она опрометью бросилась к выходу. Взглянув в окно, профессор в последний раз увидел в толпе ее апельсиновый жакет и развевающиеся на ветру черные волосы. Потом она исчезла.

Поежившись, Арсений Полуэктович поднял воротник пальто. Легкий ветерок пробрал его до костей. Весна выдалась холодная. Днем уже пригревало солнце, но с наступлением темноты становилось промозгло и сыро.

Только сейчас Чебышев сообразил, что гадалка не просила у него денег. Но тогда для чего она затеяла это представление?

Рассчитывая согреться, профессор ускорил шаг, ему не терпелось поскорее добраться до гостиницы, к щедро оплаченному теплу и уюту. И плевать ему на все «предсказания».

Короткий порыв ветра толкнул его в спину. Скомканная обертка от «Сникерса» прощелестела мимо по замерзшей луже, ткнулась в ботинок профессора и сгинула под забором. Слова полоумной гадалки вдруг перестали казаться нелепыми. Ведь в остальном она ни разу не ошиблась. Привыкший доверять фактам, профессор испытывал смутную тревогу. А вдруг беда и в самом деле где-то рядом?

Арсений Полуэктович украдкой огляделся. Никого. Он задрал голову и глянул на небо, словно в поисках подсказки. Однако тяжесть, нависшая над ним, надежно пряталась за ярко сияющими в темноте звездами. Его знобило. Похоже, он заболевает. Как это некстати.

Стыдясь самого себя, Чебышев потрусил по улице, неловко вскидывая длинные худые ноги и стуча по мостовой обледенелыми подошвами. Впереди замигали огни отеля, и профессор немного расслабился. Но сбавил ход и перешел на шаг лишь в пределах прямой видимости.

Оставалось пройти метров сто.

Пятьдесят.

Тридцать.

Вдруг темноту взорвали две короткие вспышки, один за другим раздались резкие хлопки, на голову профессора посыпалась стеклянная крошка. Прикрывая голову обеими руками, профессор зигзагами понесся к центральному входу, взлетел по ступенькам, чудом не поскользнувшись, и юркнул за тяжелую дверь.

Арсений Полуэктович прогалопировал через вестибюль, мимо невозмутимого охранника, профессионально улыбчивого портье и разинувших рты постояльцев, свернул в коридор, ведущий к номерам люкс, и скрылся из глаз.

Неприметная женщина из командированных, сидящая в холле, отложила в сторону газету и посмотрела в окно. Она была единственной, кто увидел, как вдоль всей улицы друг за другом взорвались и погасли фонари, усыпав асфальт градом мелких осколков. В следующую секунду свет в холле гостиницы замигал, на мгновение вспыхнул ярче и погас во всем здании. Квартал погрузился во тьму.

Глава 2

Осторожный шорох донесся со стороны кухонного стола. Анна быстро оглянулась. И вовремя. Каспер – угольно-черный громадный персидский кот – только что окунул усатую башку в тарелку с остатками яичницы с колбасой.

– А ну, брысь! – прикрикнула Анна без энтузиазма.

Каспер, не теряя достоинства, слегка отодвинул усы от тарелки.

– Имей совесть, – укорила его хозяйка. – Ты же только что умял двойную порцию «Вискаса».

«Ну и что? – округлил глаза наглый кот. – Колбаса, да еще и жареная – это совсем, совсем другая песня!» Каспер знал по опыту, что спорить с хозяйкой – дело гиблое, и потому покорился судьбе. Однако его отступление скорее напоминало победный марш: подчеркнуто неторопливо он прошествовал по деревянной скамье вдоль стола и грузно обвалился на пол (когда хотел, он становился неповоротливым, как нефтяной танкер). Слегка мазнув хвостом по голым ногам хозяйки – ах, извините, не заметил, – он вышел вон, выразительно подергивая спиной. Обычно Анна реагировала на его намеки, но сегодня лишь весьма невежливо хмыкнула. Каспер обиделся всерьез и принялся яростно вылизываться.

Анна принялась было мыть посуду после завтрака, но услышала телефонный звонок.

– Привет, Анюта, я тебя не отвлекла? – пропела трубка.

Как только девушка узнала голос Нурии, своей лучшей подруги, сердце ее радостно подпрыгнуло.

– Привет, рада тебя слышать! – улыбнулась она.

Как обычно, Нурия что-то такое почувствовала, потому что констатировала:

– Ты занята. Я позвоню попозже. Не хочу отвлекать.

– Не болтай глупостей. Что может быть важнее, чем твой звонок? Что-то случилось?

– О, нет! Я просто давно не звонила и, зная, что ты вечно беспокоишься, решила отметить. В общем, проверка связи.

– Да? А мне показалось...

Нурия рассмеялась.

– Что я говорила?

– Прости. Никак не могу привыкнуть, что ты в Калифорнии.

– Вот именно. В плане безопасности за меня можно не беспокоиться. Наша полиция не дремлет.

– Какие новости? Как Лелька со своим Вангелисом? Прости, так и не научилась выговаривать фамилию твоего зятя.

– Я тоже ошибаюсь через раз. Он не обижается. У молодых все в порядке. У меня, кажется, тоже...

– Почему «кажется»? – моментально насторожилась Анна. – Ну-ка выкладывай!

– Не знаю даже, как ты отреагируешь...

– Так! В чем дело? – потеряла терпение Аня.

– Кажется, я женюсь. Тьфу, то есть замуж выхожу! – выпалила Нурия на едином дыхании. Аня поперхнулась воздухом и закашлялась, но быстро взяла себя в руки.

– Теперь быстро, четко и с подробностями, – потребовала она.

Анна знала, что делала. Ее подруга еще пару лет назад являла собой классический образчик забитой восточной женщины, которой помыкали все кому не лень. Дать отпор севшим на шею родственникам ей не позволяло воспитание. Воспротивилась она лишь один раз, когда супруг категорически запретил дочери Лельке воспользоваться честно выигранным грантом на обучение в американском колледже. Наплевав на его мнение, Нурия собрала

свои и дочкины пожитки и вымелась, можно сказать, в никуда, так как в Америке у нее не было ни связей, ни жилья. Накопленной за много лет суммы хватило лишь на аренду полуразвалившейся халупы в пригороде Бостона, но зато дочь смогла учиться в престижном колледже. В тот год произошло много хорошего и плохого, но окончательный счет был все-таки в ее пользу: Лелька скоропалительно вышла замуж за самого настоящего миллионера – грека по происхождению, – а Нурие неожиданно понравилась самостоятельность. С мужем она развелась еще до обретения состоятельных родственников. И вдовсю наслаждалась свободой. Зять приобрел для нее в Калифорнии симпатичный коттедж на побережье, и Нурия не раз признавалась, что никогда за все свои сорок восемь лет не чувствовала себя такой счастливой. Неужели ее вновь одолело желание надеть ярмо себе на шею? Судя по настороженному сопению в трубке, так оно и есть.

– Где нарыла кандидата? – поинтересовалась Анна с любопытством. – Чем он тебя взял? Что в нем такого особенного? Не томи, говори скорее!

– Все потом. Боюсь сглазить. Еще немного, и ты все узнаешь.

Анна слегка обиделась и потому сказала излишне резко:

– А ты не слишком торопишься? Месяц назад ни о каком поклоннике и речи не было.

– Ты, как всегда, права, но это совсем другое, – счастливо вздохнула Нурия.

«Ага, другое, как бы не так! – мрачно подумала Анна. – С этими мужиками вечно одно и то же. И чем они старше, тем все однообразнее».

– А сколько ему лет? – спохватилась она. – Это-то хотя бы не тайна?

– Я точно не знаю, – слегка замялась Нурия, – но больше, чем мне. Так что, если ты подумала...

– Ничего я не подумала, – отрезала Анна. – А вот тебе еще раз взвесить все не мешало бы.

– По-твоему, в меня уже и влюбиться нельзя? – обиделась подруга. Ее голос задрожал, и Анна тут же пошла на попятный.

– Да можно, можно! Ты красавица, умница, хозяйка превосходная, но осторожность в таком деле не помешает.

Анна, боясь обидеть, не хотела напрямую говорить, что в Америке, как и в России, до фи́га и больше охотников за богатым приданым, а греческий зять, несмотря на все протесты тещи, ни в чем ей не отказывал. Но Нурия догадалась обо всем сама.

– Можешь не беспокоиться, – горделиво сообщила она, – об осторожности я не забыла. Боб мне все о себе рассказал. У него есть титул и деньги. Много! А еще – маленький замок.

– Это он так говорит? – уточнила Анна.

– Это я так знаю. Он мне фотографии показывал. И в гости приглашал.

– Уже лучше. И когда?

– Послезавтра выезжаю.

Анна тихо ахнула:

– Как? Уже?

– А чего тянуть? Вот съезжу, посмотрю и потом приму окончательное решение.

– А куда вы едете?

Но тут связь оборвалась, и Нурия не успела ответить. Анна попыталась соединиться вновь, однако в трубке раздавались лишь шорох и треск помех на линии. У Анны остался от разговора неприятный осадок. Все одно к одному...

За спиной деликатно кашлянули. Анна вздрогнула от неожиданности. На пороге комнаты стояли Макс и Каспер. Оба смотрели на нее выжидательно. С Максом они прожили вместе не один год, однако, несмотря на взаимные чувства, все их попытки оформить отношения терпели фи́аско. Анна смирилась, но Макс не терял надежды затащить ее под венец.

– Прости, если напугал, – извинился парень, заметив ее бледные щеки.

– Ерунда, я просто не слышала, как ты вошел.
– Вообще-то, я, – Макс переглянулся с котом и поправился, – то есть мы, стоим тут уже... – он скосил глаза на часы, – семь с половиной минут.
– Ты все слышал?
– Слышал, но не понял. Звонила Нурия, и, кажется, она куда-то собирается. А как там ее зять с труднопроизносимой фамилией? Еще не разорился?
– Не дожدهшься, – хмыкнула Анна. – Кстати, Нурия собралась замуж.
– Мне казалось, она давно развелась.
– Так давно, что решила повторить попытку.
– Почему тебя это огорчает? – некстати проявил проницательность Макс.
– Не сам факт, – поморщилась Анна, – а полное инкогнито жениха.
– Тебе ли переживать? – Макс выглядел искренне удивленным. – Возьми свои карты и посмотри.

Анна сделала вид, что стала туга на ухо. Ничего не ответив, она преувеличенно бодро заявила:

– Обед готов. Пошли в кухню. Будешь есть и рассказывать, как там Ники.

Макс прекрасно понял, что Аня пытается сменить тему, но не стал возражать. Тем более что есть действительно хотелось, а из кухни доносились весьма аппетитные запахи. Каспер, унюхавший божественный запах жареной курочки еще раньше, преданно засеменил следом.

– Понравился Нику санаторий? – нетерпеливо спросила Анна, усаживаясь напротив.

– Он в полном восторге.

Под конец зимы все семейство одолел жестокий вирус. Макс отделался достаточно легко, а вот Нику и Анне повезло меньше. Их болезнь затянулась и дала осложнения. Когда мальчик пошел на поправку, врач настоятельно рекомендовал долечиваться в новом, только что построенном санатории. Санаторий имел статус экспериментального, был оснащен новейшим оборудованием. Высокая зарплата привлекла лучших врачей, на ставки младшего медперсонала – нянечек и санитарок – выстроилась очередь. Одна беда – из сообщений экологии санаторий находился в лесополосе, довольно далеко от города – два с половиной часа в одну сторону. И Нику предстояло целую неделю провести без родителей, на что он согласился с большим трудом.

– С кем его поселили? – продолжала допытываться Анна. – Тебя пропустили в его палату?

– Само собой! Комнаты там на двоих. Сосед Ника – нормальный парень. Кстати, пацан из спецшколы и на английском лепечет, как на родном.

– Вот Ник-то обрадовался, наверное!

– Не то слово. Они как затрещали, так у меня чуть уши не заложило. Ни слова не разобрать. Тебе не кажется, что курица вот-вот остынет?

Анна спохватилась и стала споро накрывать на стол. Румяные куриные окорочка перекочевали со сковородки на большое блюдо. Сверху их густо присыпали укропом и зеленым лучком. На гарнир Анна сварила картошки и приготовила салат из помидоров. Каспер, энергично приняв хвостик, весь извелся на подоконнике.

– А в той кастрюле что? – любопытствовал Макс.

– В какой кастрюле?

Макс показал. Анна задумчиво уставилась на закрытую крышкой белую кастрюльку, задвинутую в самый угол плиты. Она начинала догадываться, что понятия не имеет о том, что там внутри. Девушка незаметно потянула носом воздух. Попытка угадать блюдо по запаху закончилась неудачно, она ничего не поняла. Макс ждал ответа. Анна занервничала,

но отступать было некуда. С самым независимым видом она шагнула к плите и небрежно приподняла крышку.

Тут же глаза ее округлились.

– Фасоль?!

– Ты меня спрашиваешь? – уточнил Макс. Анна ничего не ответила. – А что, там и вправду фасоль?

– Ты ее не любишь?

– Хм... Насколько я знаю, ее не любишь ты. Раньше тебя тошнило от одного ее запаха.

– Да-да, конечно, – промямлила Анна, чуть не плача. Ей вдруг стало холодно, и девушка, ежась, скрестила руки на груди. – Ты не сердись? – спросила она осторожно. Макс в очередной раз перевел взгляд от миски с картошкой к кастрюле с фасолью и вздохнул:

– Нет. Просто пытаюсь понять.

«Я бы тоже этого хотела», – грустно подумала Аня. Она собралась с духом и выпалила:

– Я совершенно не помню, как варила эту чертову фасоль.

Макс громко сглотнул и пробормотал неуверенно:

– Бывает...

– Нет! Не бывает! – взвизгнула Аня. – Со мной что-то не то в последнее время! И ты об этом догадываешься. У меня такое ощущение, что что-то заползло мне в мозг и теперь продирается сквозь него, диктуя свои правила.

– Ты преувеличиваешь, – сказал Макс, откладывая вилку.

– Нет! Нет! Нет! – Ее голос сорвался на крик. В нем звенели слезы.

Макс взглянул на нее с жалостью.

– Перестань. Ну сварила ты эту чертову фасоль, и что такого?

– Макс, чтобы сварить эту чертову фасоль, ее для начала нужно купить в магазине, потому что я не держу в доме ничего подобного. Потом фасоль нужно замочить часа на два и еще почти столько же варить. Так вот, я ничего подобного не делала или, если угодно, не помню, как проделала все вышеперечисленное. Не помню, понимаешь? И такое со мной не в первый раз.

– Часто?

– Накатывает временами. Иногда я вдруг попадаю в какое-то место, а потом понимаю, что не помню, как там оказалась. Или вижу на себе новую одежду, которую успела купить и надеть на себя, но хоть убей, не могу вспомнить, когда именно. Могу позабыть важный разговор или встречу, а какие-то факты всплывают в мозгу как бы сами по себе.

– Я заметил, что у тебя изменились вкусы, – осторожно сказал Макс. – Раньше ты не носила мешковатую и, прости, старомодную одежду длиной до щиколотки. Не то чтобы мне не нравилось... – поспешно добавил он, но Анна только устало отмахнулась.

Обычно Макс не был подвержен мрачным предчувствиям. Он справедливо считал себя человеком действия и не тратил время на эмоции. Но с некоторых пор его преследовал страх потерять Анну. Он не мог объяснить себе, как и почему возник этот страх. Просто ему казалось, что некто или нечто ужасное уже тянется к ней... Макс встряхнулся всем телом, как большая собака, прогоняя оцепенение. Он быстро выдернул Анну из-за стола, притянул к себе и нежно поцеловал ее заплаканные глаза, чтобы она не успела разглядеть на его лице тревогу.

– Скажи мне правду, Макс, я схожу с ума? – спросила Аня, уткнувшись лицом в его плечо. Он погладил ее по волосам.

– Ты просто устала. Это последствия болезни. Все, что тебе нужно, это...

– Любовь?

– ...отдых и усиленное питание.

Как только Макс ушел в кабинет, с лица Анны стекла улыбка. Сжав руки в кулаки, она сунула их в карманы. Кожу царапнул кусок картона. Визитка. Девушка попыталась вспомнить фамилию старика ученого. Какое-то архаическое имя-отчество. Она глянула в карточку: Чебышев, Арсений Полуэктович. Вполне подходящее имя для профессора филологии. Визитка навела ее на идею. Макс предложил ей развеяться. Что ж, прекрасно! Она совместит приятное с полезным. До начала семинара, о котором упоминал профессор, осталось чуть меньше двух часов, она еще успеет к началу.

«Забавно, – подумала Анна, одеваясь впопыхах. – Это выглядит как приключение. Действительно, ничего страшного. Я только взгляну одним глазком. Тогда почему так бьется сердце? Почему я дрожу от ужаса?»

Глава 3

Научные конференции Ане до сих пор посещать не доводилось, но ей отчего-то казалось, что привычная одежда не годится. В том смысле, что ничего обтягивающего, яркого, короткого. Строгий деловой костюм – вот то, что надо. Как ни странно, в шкафу обнаружилось нечто подобное из добротного, в мелкий рубчик, твида. Откуда взялся костюмчик, Аня так и не смогла припомнить. Раньше она ничего подобного не носила. Сидел костюм как влитой, но сама Аня смахивала в нем на ученую крысу. Ну, в лучшем случае на кролика из Винни-Пуха, если добавить круглые очки. Кстати, очки и в самом деле бы не помешали, тем более что зрение у нее не ахти. Но очков Аня не носила, стеснялась, а купить их до начала конференции ей не успеть.

Аня потрогала рукой пышные волосы, пропустила волнистую прядь сквозь растопыренные пальцы и поморщилась. Буйные кудри следовало спрятать. Она решительно сгребла шевелюру в кулак и закрутила в тугий пучок на затылке. Сходство с крысой стало полным. Нацепив туфли на плоской подошве, Аня решительно двинулась навстречу «подвигам».

В холле Дома ученых на самом видном месте белела внушительная афиша. Аня добросовестно прочла ее от начала до конца и с изумлением обнаружила, что предстоящая конференция имеет международное значение. Афиша обещала выступление парочки английских академиков с мировым именем.

Конференц-зал отыскался на втором этаже. Фойе оказалось набито народом. Анна и не подозревала, что филологи – такая многочисленная популяция. Она ввинтилась в толпу и, энергично работая локтями, добралась до входа в зал. Тяга к знаниям стоила ей стоптанных туфель и пары оторванных с мясом пуговиц, но Аня не роптала.

Ученые не торопились в зал, здесь было полно свободных мест, и Аня устроилась в последнем ряду, у стенки. Она старалась привлекать к себе как можно меньше внимания, зато по сторонам смотрела с большим интересом. К приезду иностранных гостей цитадель науки попытались привести в порядок: старый, еще дореволюционный, наборный паркет блестел, плафоны под потолком сияли, в воздухе почему-то отчетливо пахло хлоркой. Однако отсутствие денег на ремонт просто бросалось в глаза. Что поделать, науку в последнее время не балуют.

Не успела Анна усестись, как толпа из рекреации хлынула в зал. Отчаянно шурясь и проклиная собственное кокетство, Аня попыталась разглядеть в гуще народа Чебышева, но потерпела поражение. Ее внимание привлекла женщина средних лет, державшаяся подчеркнуто особняком. Остальные участники сбивались в небольшие группы и непрерывно разговаривали друг с другом, а эта дама молча стояла у окна.

Одета женщина была обыкновенно, в черно-белых тонах. Немного мрачновато, но этот стиль сейчас как раз снова входил в моду. Черты ее лица выдавали азиатское происхождение, однако Анна уловила пару коротких фраз, произнесенных женщиной на хорошем английском. Таких породистых лиц Ане до сих пор видеть не доводилось. Это было лицо со старинного портрета. Хищный нос с рельефно вырезанными ноздрями мог бы быть и покороче, зато четко очерченные, высокие скулы, хорошей лепки подбородок и тонкая линия губ были выше всяких похвал. Женщина была немолода, но в ее глазах, больших и темных, еще тлел огонь, а полуопущенные веки прикрывали орлиную зоркость взгляда. Выражение этих глаз напомнило Ане обсидановые глаза сфинкса.

Женщина-сфинкс ни разу не глянула в сторону девушки, но у Ани вдруг появилось необъяснимое чувство тревоги. Все страхи и волнения, на время покинувшие ее, разом всплыли на поверхность. Что-то болезненно сжалось внутри, кровь отхлынула от сердца. На время она перестала понимать, что к чему, как будто загипнотизированная. Ею владело

единственное желание – спрятаться. Подчиняясь этому импульсу, Аня забилась поглубже в кресло и попыталась слиться с потертой обивкой. Спустя пару минут сердце перестало бить в тамтам, и Аня осмелилась взглянуть в сторону женщины. Возле окна никого не было. Похожая на средневековый призрак дама исчезла.

В течение последующих двух часов докладчики на кафедре сменяли друг друга. Единственное, что смогла понять Анна из их пространных выступлений, – речь шла о средневековой поэзии. Девушка отчаянно боролась со сном. Внезапно каторга закончилась. Анна испытала разочарование – Чебышев так и не появился.

– Понравилось? – интимно промурлыкал ей в ухо незнакомый голос.

Анна возмущенно уставилась на нахального соседа слева. Его внешний вид не внушал ей доверия. Парень лет двадцати пяти, развалясь в кресле, небрежно закинул ногу на ногу. От его кожаной куртки пахло табаком, а русые волосы стояли дыбом. Карие глаза из-под взъерошенной челки смотрели дерзко. Зал понемногу пустел, но парень, по-видимому, никуда не торопился. Анна оказалась в ловушке. Справа была стена, спереди и сзади – ряды кресел, а слева – этот наглец со слишком смуглой для начала весны кожей и бандитскими замашками.

– Понравилось? – снова спросил он, и Ане показалось, что в этот раз он намекал на себя.

Анна дернула плечом, не желая вступать в полемику. Он тут же констатировал:

– Похоже, что не очень. Судя по вашему виду, вы здесь в первый раз.

– Зато вы сами – вылитый завсегдатай, – не удержалась девушка. Парень коротко хохотнул. Несколько человек в зале обернулись в их сторону, а Анна всерьез задумалась, не пора ли ей позвать на помощь.

– Один—один, – продолжал веселиться парень. – Хотя я вовсе не собирался вас злить. Вы скучали – это так очевидно, а от происходящего вас с души воротит. Разве нет?

Анна поморщилась.

– Вы всегда так в себе уверены и бесцеремонны?

– Бывают исключения, но редко. На вашем месте я не стал бы так откровенно пытаться от меня отделаться. А вдруг я вам пригожусь?

– Вот это вряд ли, – сказала Анна с чувством.

– По-моему, вы надеялись кого-то встретить здесь, но не смогли.

Его предположение оказалось настолько неожиданно точным, что Анна не смогла сдержать удивления.

– Вы экстрасенс?

– Глупостей не говорите. Чистая логика: вы так отчаянно вертели головой все это время, что шпилька из вашего пучка так и норовила воткнуться мне в глаз.

– Извините. – Анна неожиданно смутилась.

– Итак, средневековая поэзия – не ваш профиль, – продолжал странный тип. – К тому же вы слишком хорошенькая для сборища этих ученых мухоморов.

– Это уже слишком! – Анна попыталась подняться, но парень даже не шелохнулся, и она вынуждена была снова сесть.

– Объективность не есть оскорбление, – произнес он наставительно. – Такие, как вы, барышня, не читают стихов.

– Не смейте называть меня «барышня»! – прошипела она. Он и ухом не повел.

– Вы недослушали. Такие, как вы, стихов не читают. И тем более их не пишут. Наоборот: это вам посвящают поэмы и оды. Если не поняли – это комплимент.

Анна возмущенно фыркнула.

– Не кривляйтесь. Вам это не идет.

– Не нравится – скатертью дорога. Я вам не навязывалась.

– Всегда одно и то же! – сокрушенно покачал он головой. – Так кого вы ищете, барышня? – Парень нарочно подчеркнул последнее слово. Ане жутко захотелось его покусать, но вместо этого она коротко ответила:

– Чебышева.

– Чебышев, Чебышев... Это кто же такой? – пробормотал он себе под нос. – Ах, Арсений Полужкович!

– Вы с ним знакомы? – искренне удивилась Анна.

– Поверхностно. Он что-то вроде сумасшедшего в местной тусовке. В наш город пожаловал впервые, сам он, кажется, из Питера. Или из Москвы? В общем, не так важно.

– Почему вы назвали его сумасшедшим? Он правда псих?

– Не нужно понимать все так буквально. Чебышев – довольно умный дед, правда, с завихрениями. Впрочем, странности у нас – обычное дело. Все ученые немного «того». – Он дурашливо развел руками. – Такая специфика. Без фанатизма открытий не сделаешь.

– То есть Чебышев – фанатик?

– А то! Все уши прожужжал про свой артефакт. Каждому, кто не успел убежать, твердит о своем величайшем открытии. Свихнуться можно.

– Зря вы так. Вдруг он обнаружил что-то действительно ценное?

– Ой, я вас умоляю. Задрипанная брошюрка с дилетантскими стишатами, изданная тиражом в полтора экземпляра. Одна радость, что произошло это четыреста лет назад. Так и этим никого не удивишь.

– Кто-нибудь до него изучал эту брошюру?

– Нет.

– Вот видите!

Парень усмехнулся.

– Ничего я не вижу. Ее не изучали, потому что она не представляет научного интереса. Проще говоря, на фиг никому не нужна. Кстати, ваш Чебышев сегодня заявлен в числе докладчиков. Странно, что его не было.

Анна решительно поднялась.

– Я должна его найти.

– Вы знаете, где искать? – полюбопытствовал парень.

– Понятия не имею, – растерянно призналась Анна.

Хмыкнув, парень небрежно сообщил ей адрес гостиницы, где остановился профессор.

– Попробуйте счастья, – напутствовал он. – Думаю, до вечера он никуда не денется. У него поезд в двадцать три пятьдесят пять.

– Постойте! А номер комнаты?

– Так я его не знаю. Узнать номер, впрочем, не проблема. Надеюсь, ваш визит обрадует профессора... Эй, вы снова побледнели! Послушайте, барышня, да у вас нервишки ни к черту. Что на этот раз?

– Эта женщина! Кто она? – Потеряв самообладание, Анна потыкала пальцем в сторону окна. Ее собеседник без особой охоты обернулся и окинул взглядом черно-белую фигуру, застывшую в оконном проеме.

– Всего лишь бедняжка Селия, – разочарованно протянул он.

Уловив его снисходительный тон, Анна обреченно спросила:

– Она тоже «с приветом»?

– Ага! – весело откликнулся тот. – Я же предупреждал. Вообще-то, Селия Бэкон из Америки. Популярная писательница. Была, пока совсем не сбрендилась. Кстати, в отличие от миляги Чебышева, эта леди – буйнопомешанная. У нее совершенно особая мания...

– Саша! Ну сколько можно ждать? – окликнул его девичий голосок. Не успела Анна опомниться, как парень сорвался с места. Продолжения Аня так и не услышала. Испытывая

досаду, она взглянула в сторону злополучного окна. Разумеется, Селия Бэкон вновь испарилась.

Глава 4

Вышколенная девушка-портье сообщила Анне, что Арсений Полуэктович Чебышев проживает в сто двадцать втором номере люкс. При этом Анне ясно дали понять, что ей сделано великое одолжение, хотя за информацию было щедро заплачено. Похоже, в этом отеле приветливость не входила в тариф. Проглотив обиду, Анна все же спросила, не слишком надеясь на ответ:

– Вы не заметили, Чебышев сегодня покидал отель?

– Он даже из номера не выходил, – дoloжила служащая. – Мне предупредить его о вашем визите?

– Спасибо, я лучше без предупреждения. – Анна попыталась улыбнуться. – Сюрприз.

Портье кивнула, но как только Анна повернулась к ней спиной, наманикюренные пальчики потянулись к трубке телефона. Анна видела в зеркале ее манипуляции, но не стала ничего предпринимать.

Ручку двери сто двадцать второго номера украшала стандартная табличка с надписью на двух языках: «Не беспокоить». Проигнорировав предупреждение, Аня легонько стукнула костяшками пальцев по лакированной фанере, маскирующей под мореный дуб. Ответа не последовало. Она повторила попытку с тем же результатом. Часы в холле показывали полчетвертого. Может, профессор прилег вздремнуть после обеда? И забыл про конференцию? Бред. Зачем он тогда вообще приезжал? Уйти он не мог. Мимо бдительной девицы в холле не проскочит даже мышь. Куда же он подевался?

За закрытой дверью раздалась телефонная трель. Портье спешила предупредить постояльца о незваной гостье. Однако такой трезвон и мертвого разбудит. Версия о послеобеденном отдыхе отпала сама собой. Профессора в номере не было. Но тогда...

Из-под двери немилосердно дуло. Сквозняк пробрался под довольно широкие брюки, кожа покрылась пупырышками. Анна поежилась, совершенно не представляя, что делать дальше. В номер ее никто не пустит, это как пить дать. Стоять под дверью до второго пришествия в надежде, что профессор каким-то образом улизнул из гостиницы? Идея не показалась ей слишком соблазнительной. Анне очень хотелось встретиться с профессором. Еще больше ей хотелось попасть в его номер. Ее мучили неясные предчувствия дурного характера. Она не могла отделаться от мысли, что с профессором что-то произошло. Мысль имела объяснение. Анна видела Чебышева всего один раз, но этого хватило, чтобы понять: он не мог отменить выступление.

За углом что-то зашуршало, и из-за поворота выкатилась тележка, нагруженная моющими средствами. Поначалу Ане показалось, что конструкция двигается сама по себе, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что ею рулит чрезвычайно миниатюрная особа в форменном платье горничной. Заметив Анну, уборщица притормозила.

– Какие-то проблемы? – Неожиданно низкий голос даже с натяжкой нельзя было назвать дружелюбным.

– Мне нужно попасть в этот номер, – заявила Анна решительно.

– Но вы тут не живете, – последовал ответ.

Они уставились друг на друга. Слава богу, полумойка не спешила поднимать шум.

– Понимаете, здесь живет мой знакомый, – промямлила Аня, – профессор Чебышев. – Последовал утвердительный кивок. Горничная явно ожидала продолжения. Анна вдруг обратила внимание, какие у нее необыкновенные глаза: зоркие и умные, дьявольски умные. Тетка, выгребая чужую грязь за приезжими, не может иметь таких глаз по определению.

Пауза затягивалась, и Анна, испугавшись, затараторила:

– У профессора плохое здоровье. Сердце. Он не пришел на важную встречу, и я забеспокоилась. На ресепшене сказали, что он не выходил из номера. На стук он не откликается, на телефонные звонки тоже. Боюсь, с ним что-то случилось.

Неожиданно горничная кивнула:

– Все может быть после вчерашнего.

– А что было вчера? – Анна испугалась по-настоящему.

– Так свет погас во всем районе! Разве вы не знали?

– Откуда бы?

– Так в утренних новостях передавали.

Аня снова взглянула на дверь и растерянно моргнула.

– Открыть, что ли, в самом деле? – пробормотала за спиной горничная и чем-то загремела.

– А вы можете? – встрепелась Анна.

– Делов-то, – важно кивнула она.

– Тогда, пожалуйста, поторопитесь! Я заплачу!

Даже не взглянув на протянутые деньги, женщина усмехнулась:

– Не мельтеши.

Она неторопливо откатила тележку к противоположной стене и снова подошла к запертой двери номера.

– Господи, сифонит-то как. Фрамугу небось расхлебанил. Чай, не май месяц.

– Да уж, сквозняк у вас прям как на вокзале, – подтвердила Анна язвительно.

Горничная приникла ухом к двери, словно к чему-то прислушиваясь. Анна начала терять терпение.

– Вы дверь открывать собираетесь или мне позвать кого-нибудь... повыше рангом? – осведомилась она ворчливо.

– Зачем звать? Вон Кеша подгребает. Самое начальство и есть! – хмыкнула тетка, хитро глянув на вытянувшуюся физиономию Анны.

Должно быть, странная тетка имела глаза на затылке, так как даже не смотрела в ту сторону, откуда к ним приближался плюгавого вида мужичок, упакованный в добротный костюм мышинного цвета.

– Ну-ка, девочки, расступись! Что столпились? Чем вы тут занимаетесь? – заверещал он пронзительно. – А вам, Ярослава Викторовна, отдельное предупреждение: опять от работы отлыниваете! Дождетесь: оштрафую! – пригрозил он, но горничная отчего-то не испугалась.

– Девушка вот насчет жилья из сто двадцать второго беспокоится, – буркнула она.

– Кто у нас в сто двадцать втором? Ученый из Москвы? И чего? – Он резво повернулся в Анину сторону. – Вы, девушка, тут каким образом?

– В гости пришла.

– Вы тоже из Москвы будете?

– Я местная.

– Ах вон оно что! – Лицо администратора поскучнело.

– Что? – переспросила Аня сердито. – Местным в гости ходить воспрещается?

– Это смотря с какой целью, – цинично прищурился тот. Анна поняла, на что он намерен, и разозлилась еще больше.

– Не порите чушь. У меня с профессором деловая встреча, – рявкнула она.

– Ага. Ага.

– Что вы гогочете, как гусь? Я стучу, а он не открывает!

– Не открывает – значит, не хочет открывать. Имеет полное право на покой и отдых. За это, между прочим, деньги плачены. А вы, девушка, зайдите позже. Или, еще лучше, предварительно позвоните от портье...

– Звонили уже.

– Да?

– Ага. Он трубку не берет. А ваша портье уверяет, что он со вчерашнего дня в номере.

– Ты, Кеша, оставь свою бюрократию, – неожиданно пришла на подмогу горничная Яся. – Профессор-то в годах. Вдруг занемог? Ну, там, инсульт или инфаркт, а мы тут лясы точим. Вот помрет ненароком, а тебя по судам затаскают...

– Меня? За что это? – возмутился Кеша.

– За неоказание помощи.

– Типун тебе на язык! – огрызнулся администратор. Затем он нехотя приблизился вплотную к двери, отеснив от нее женщин, вздохнул, заметив предупреждающую табличку, прочистил горло, но ничего не сказал, а, отставив в сторону локоть, осторожно постучал.

– Слышь, Кеша, это мы уже пробовали, – напомнила Яся ласково. – Ты лучше добро дай – я дверь запаской открою.

– А за последствия кто отвечать будет? – окрысился тот.

– Известно кто: на меня все свалишь. Это уж как водится.

– Ну, хорошо! – процедил администратор и погрозил пальцем. – Но если у гостиницы будут проблемы...

То, что у гостиницы появилась куча проблем, стало понятно, как только они вошли в номер, но вряд ли в их возникновении можно было обвинить горничную Ясю. Профессор Чебышев сидел на полу под распахнутым настежь окном, разбросав в стороны нескладные длинные ноги и цепляясь скрюченными пальцами за подоконник. Он был мертв. И мертв уже давно. Тело окоченело. Пол вокруг него был усеян битым оконным стеклом. Стекланная пыль местами припорошила темный костюм и пегие волосы. Голова профессора была запрокинута, очки съехали на лоб, на худом лице застыло выражение ужаса.

Из них троих самым удивленным выглядел администратор Кеша. Анна, сопоставив все известные факты, предполагала подобный исход. Яся, похоже, взирала на жизнь философски, ее не могло вывести из себя ничто и никогда. Только несчастный Кеша трясся мелкой дрожью и беззвучно разевал рот. Потом он вдруг стал краснеть, как астраханский помидор на солнышке, а когда дозрел окончательно, беззвучно обвалился на ковер у двери.

– Два трупа – это, пожалуй, перебор, – пробормотала Аня.

– Этот, – Яся слегка пнула тапкой бездыханное тело своего начальника, – пока живой, а вот там – настоящий жмурик.

– Вы не очень-то впечатлительны, – заметила Аня.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, словно боролись. Аня почувствовала головокружение и первой опустила глаза. Ее мутило то ли от глупой игры в гляделки, то ли от стресса, то ли от тошнотворного запаха, витавшего в номере.

– Ну? Чего встала, как на ярмарке? Пока народ не набежал, смотри, что тебе надо, – неожиданно посоветовала Яся. – Только руками что попало не хватай. – Удивляясь собственной покладистости, Аня беспрекословно подчинилась и стала медленно обходить не слишком просторный номер по периметру.

– Господи, чем тут воняет? – проворчала Яся себе под нос. – Будто спалили кого заживо.

– Действительно, странный запах.

– Вроде как горелым пахнет, но не дровами.

Яся сунула голову в камин и деловито обнюхала подернутые пеплом головешки.

– Так и есть, топили вчера. Может, на дрова чего плеснули?

Она мазнула пальцем по ажурной решетке и поморщилась, брезгливо отряхивая сажу:

– Господи, грязизу-то развели. Ведь только накануне убирала!

Анна все кружила по комнате, оттягивая момент, когда придется подойти к телу. В номере царил абсолютный порядок. Даже кровать совсем не смята. Очевидно, профессор так и не успел лечь спать. Никаких следов борьбы. Стулья аккуратно расставлены вокруг стола. Просто не комната, а музейная экспозиция. Впечатление портили лишь разбитое вдребезги окно да мечущаяся на ветру штора.

У стены возле кровати стоял маленький туалетный столик. На нем, в простом подсвечнике, толстая, сильно оплывшая свеча с обугленным фитильком. Свечи жгли, когда погас свет. Горничная что-то говорила об этом. Анна посмотрела на разбитое окно, потом снова на свечу и подумала, что если огонь потух от порыва ветра, то можно легко определить время смерти профессора. Правда, не похоже, что ему помогли отойти в мир иной – ничто не выдает присутствия посторонних злоумышленников, но, если вдруг появятся подозреваемые, с помощью точного времени легко будет проверить их алиби.

Аня потянулась, чтобы взять свечу...

– Руки! – прошипела в спину бдительная Яся. – Ты же не хочешь оставить на воске свою визитную карточку?

– Я только хотела посмотреть...

– Вот и смотри издали. Или, если нейдет, возьми вот это. – Яся протянула ей чистый носовой платок. Ухватив через него свечу посередине, Аня быстро осмотрела ее со всех сторон, но ничего интересного больше не обнаружила. Свеча была стандартная. Такими завален любой хозяйственный отдел. Огарок имел длину не больше десяти сантиметров. Вычислить время горения – пара пустяков.

На платок налипло несколько мелких парафиновых крошек, и Анна машинально встряхнула платок, прежде чем вернуть его горничной. Та вместо благодарности почему-то взглянула на девушку, как на непроходимую идиотку, и даже слегка покачала головой. Анну так и подмывало спросить, что она сделала не так, но она удержалась.

На ковре цвета горького шоколада, возле камина, стояли два кресла ярко-зеленого колера. Чтобы не споткнуться, Аня внимательно смотрела под ноги, потому и обратила внимание на маленькое светлое пятнышко возле ножки одного из них. Девушка присела на корточки, низко нагнулась и обнаружила, что это всего лишь пепел. От ее дыхания невесомые пылинки взметнулись вверх и снова опали. Пятно слегка изменило конфигурацию.

– Насколько мне известно, постоялец не курил, – сообщила всевидящая Яся от двери.

– Похоже, вам вообще многое известно...

– Мне известно все... Все, что касается постояльцев, – невозмутимо парировала Яся. – Это моя работа. Как иначе я смогу им услужить?

«Ох, сдается мне, вы вовсе не из тех, кто прислуживает», – подумала Аня, но промолчала. Препираться некогда. Пытливые, проницательные глаза женщины задумчиво изучали лицо девушки. Она хотела было что-то сказать, но передумала и сухо спросила:

– Ну что, насмотрелась? Пора звонить в милицию, а то Кеша... Иннокентий Павлович скоро очухается.

– Еще секунду, пожалуйста.

Яся неохотно кивнула. Собравшись с духом, Аня торопливо обошла распростертую на коврике тушку администратора и подошла вплотную к тому, что осталось от профессора Чебышева. Преодолевая отвращение и страх, она присела перед трупом на корточки. О том, что сказал бы Макс, узнав, как она «развеелась», она предпочитала не думать.

На груди и шее профессора ясно проступали багровые ссадины неизвестного происхождения, очень похожие на следы от острых когтей. На подбородке Арсения Полуэктовича запеклась струйка крови из прокушенной от невыносимой боли нижней губы. В остекленевших, ввалившихся глазах на посиневшем лице застыл ужас.

Яся приблизилась сзади бесшумной поступью, свойственной горничным и... преступникам?

– Как вы думаете, отчего он умер? – спросила Аня, не оборачиваясь.

Некоторое время у нее над ухом раздавалось только сосредоточенное сопение, наконец Яся произнесла осторожно:

– А фиг его знает.

Анна встала, обернулась, взглянула на горничную в упор и отчеканила:

– Дверь заперта, в комнате порядок, и тем не менее человек мертв, а тело его расцарапано. Значит ли это, что смерть его естественна?

– И это возможно.

Что-то в тоне Яси насторожило Анну. Она еще раз осмотрела комнату. Когда она вновь обернулась к Ясе, на ее лице появилось новое выражение – серьезное и мрачное.

– Вы уверены в том, что его убили, – произнесла она утвердительным тоном. – Это из-за царапин, да? – спросила она по-детски.

– Царапины он нанес себе сам. Взгляни на грязь под ногтями. Это кровь. Рубашка разорвана, пуговицы отодраны с мясом, – бесстрастно перечислила женщина. – Царапины выглядят устрашающе, но от таких ран не умирают.

– Значит, все-таки несчастный случай? – уточнила Аня с вызовом.

– Не моего ума это дело, – устало ответила Яся. – Я человек маленький, подай-принеси. Мое мнение никому не интересно. Ваше, кстати, тоже. Да что вы опять ищете?!

Анна уставилась на скрюченную руку профессора. Между пальцами, судорожно сжатыми в кулак, что-то белело. Стараясь не дышать, Анна попыталась разогнуть холодные, будто пластмассовые пальцы. Ей это удалось, и она вытащила скомканный обрывок бумаги. На клочке было написано всего одно слово на английском языке. «Shaksper».

– Шекспир? – проговорила Аня изумленно.

– Шакспер, – машинально поправила Яся. – Имя написано с ошибкой.

– Почему он вообще о нем вспомнил перед смертью? Может, бредил?

– Для невменяемого он действовал слишком разумно: вырвал из блокнота листок, использовал вместо чернил свою кровь...

Только сейчас Аня заметила, что указательный палец трупа вымазан кровью. Ее затошнило, она опустила глаза и наткнулась на валяющуюся чуть поодаль маленькую записную книжку. Страница на развороте была неровно вырвана.

– Блокнот! – вдруг вспомнила девушка. – У профессора был блокнот.

Не этот, другой, намного больше по размеру...

– В красной обложке, обшарпанный такой?

– Вы его видели?!

– Конечно. Он его на виду клал, на тумбочку. А когда уходил, то всегда с собой забирал. Только кто ж на такое сокровище позарится?

– Для него тетрадь была именно сокровищем. В ней его рабочие записи. Куда ж она подевалась? Может, спрятал?

– Не похоже.

Яся последовательно выдвинула ящики у тумбочки, затем распахнула двери платяного шкафа. Блокнота не было. На вешалке сиротливо болтались галстук и пара плохо отглаженных рубашек. Больше в комнате укромных мест не было. Блокнот в красной потрепанной обложке испарился без следа.

– Уходи! – потребовала внезапно Яся и, видя, что девушка колеблется, торопливо добавила: – Телефон свой оставь. Узнаю чего – звякну.

– Как же вы узнаете? – спросила Аня, криво выводя на подвернувшейся бумажке свой телефон.

– А в понятия напрашусь, – усмехнулась женщина. – У ментов с этим напряженка. Сматывайся быстрее, – поторопила она. – А то, не ровен час, вместо понятых запишут нас обоих в подозреваемые.

Аня повиновалась, но было поздно. В дверном проеме возвышалась монументальная дама, закованная, как в латы, в деловой брючный костюм. Судя по тому, как вытянулось Ясино лицо, случилось самое худшее: их застукала сама хозяйка отеля. Сурово обозрев пейзаж, «Валькирия» сдвинула широкие брови и рявкнула:

– В чем дело?! Даниленко, почему в номере посторонние?

Распростертое у ее ног тело зама и скрюченный труп у окна она полностью проигнорировала.

– Так сами видите, Елена Вячеславовна, ЧП у нас, – отрапортовала горничная, вытягиваясь по стойке «смирно». – А девушка как раз тревогу и подняла. Жилец на ее стук не откликнулся. Открыли номер, а там – ЧП. – Она ткнула пальцем в труп для наглядности и преданно уставилась на начальницу.

– Почему мне не сообщили? – еще больше разозлилась та.

– Так... Так мы... вот... на Кешу отвлеклись! Он как в номер вошел, так тапки и откинул, а я растерялась... а тут и вы сами подоспели.

Анна с удивлением отметила, что речь горничной и ее манеры изменились так, будто она надела маску. Оставалось только удивляться такому таланту перевоплощения, хотя стоило задуматься над тем, для чего Ясе понадобилось это притворство.

Лицо Елены Вячеславовны приняло брезгливо-раздраженное выражение.

– Хватит болтать, – процедила она. – Вы, девушка, подождите в коридоре. И не вздумайте уйти! Даниленко, приведите в чувство этого слизняка, – она небрежным кивком указала на своего заместителя, – опечатайте номер и занесите ключ в мой кабинет.

– А милиция как же? – вякнула Яся.

– Сама позвоню.

Развернувшись на каблуках, хозяйка, печатая шаг, вышла вон. Аня скользнула следом, стараясь не смотреть на Ясю. Интуиция подсказывала, что над головой не в меру шустрой горничной сгустились тучи.

Глава 5

Милицию Анна не заинтересовала. Ей задали пару формальных вопросов, записали координаты и постарались побыстрее от нее отделаться. Ане очень хотелось остаться и посмотреть, чем дело кончится, но как только мент заметил, что она ошивается в коридоре, тут же проводил ее до самого выхода и наказал портье не пускать девушку внутрь ни под каким видом, проворчав себе под нос, что от любопытных нынче спасу нет. Пришлось Анне подчиниться обстоятельствам.

По дороге домой она зарулила в «Метро» и очень скоро обнаружила в хозяйственном отделе гигантского склада-магазина те самые свечи. Анна купила упаковку за тридцать два рубля и отправилась домой проводить «следственный эксперимент».

Уже доставая из упаковки свечу, Анна заметила нечто странное, а именно – свеча была совершенно гладкая. Она прекрасно помнила, как с огарка, который она обнаружила в номере Чебышева, сыпались мелкие крошки. Свечи были совершенно идентичны, в этом она не сомневалась, но никаких крошек не было и в помине. Более того, в коробочке тоже было чисто. Анна и так и эдак прикидывала, что бы это могло означать, но так и не пришла ни к какому конкретному выводу. Решив не отступать от намеченных планов, она зажгла свечу и засекала время. Когда огарок оплавился до нужной длины, прошло около двух часов. Оставалось разгадать, во сколько была зажжена свеча в тот злополучный день – и точное время смерти можно считать установленным. В душе Анны, вопреки логике, копошились сомнения. Ей никак не верилось в то, что профессор скончался в результате обычного приступа. Исчезновение рабочей тетради служило лишним тому подтверждением. Одним из любимых произведений Ани с детства был «Пигмалион» Бернарда Шоу. Сейчас ей вдруг вспомнилась фраза уличной девчонки: «Кто шляпку спер, тот и тетку пришил». Именно так! Кто свистнул тетрадку, тот и приложил руку к «несчастному случаю». И она костями ляжет, а найдет негодяя. Или негодяйку, если на то пошло.

Макс пришел домой не в духе, равнодушно выслушал ее вдохновенное вранье о прекрасной во всех отношениях прогулке и заперся в кабинете. Ему очень хотелось что-нибудь разбить. Разумеется, он догадался, что Анна накормила его очередной выдумкой. Она стала такой скрытной в последнее время. Ладно бы речь шла о банальном адюльтере. Макс так сильно любил ее, что, наверное, простил бы даже измену. Но он чувствовал, что дело куда серьезнее. Нечто непонятное происходило с самой Анной, и походы налево тут ни при чем.

В гостиной зазвонил телефон. Макс машинально прислушался. Слов было не разобрать, но он определил, что в начале разговора Аня обрадовалась, потом разволновалась, а под самый конец совсем сникла. Звонок насторожил Макса. Он прекрасно различал малейшие интонации любимой девушки по ее голосу и сейчас безошибочно определил, что она... испугана. Страх – вот что сквозило в ее голосе.

Яся не обманула и позвонила ближе к вечеру. Однако Аня не узнала от нее почти ничего нового. Милицейский вердикт гласил: профессор скончался от разрыва сердца. Никакого криминала. Блокнот так и не нашли, но, честно говоря, никто его и не искал. Когда Яся попыталась заикнуться о том, что у ученого имелась такая приметная вещь, от нее попросту отмахнулись и посоветовали не лезть с глупостями. С точки зрения милиции, стопка испсанной бумаги на скрепках никакой ценности не представляла и не могла стать предметом хищения.

Пора признаться себе в том, что просто-напросто требуется помощь хорошего психотерапевта, размышляла Аня. Кажется, у Макса был кое-кто на примете. Девушка твердо решила исправиться и перестать воевать со своими страхами в одиночку. Приняв это решение, она почему-то не почувствовала облегчения и всячески пыталась оттянуть момент,

когда придется явиться к Максусу с покаянием. В частности, она решила как следует умыть лицо и отправилась с этой целью в ванную комнату, которая располагалась в противоположном от кабинета Макса конце квартиры. Не включая света, она открыла кран и склонилась над раковиной, подставив под струю сложенные ковшиком руки.

Смыв мыльную пену, она машинально взглянула в зеркало. Вначале ей показалось, что она видит там всего лишь свое отражение, но секунду спустя стало ясно, что очертания в зеркале совсем иные. Главное отличие было в том, что ОТРАЖЕНИЙ БЫЛО ДВА. Кто-то стоял у нее за спиной.

Из прихожей пробивалось слишком мало света, чтобы как следует разглядеть таинственного визитера. Анна нервно оглянулась, еще подозревая, что все это – чья-то глупая шутка. Но позади нее никого не было.

Она заставила себя вновь взглянуть в слегка запотевшее стекло. Незнакомка была там. Второе отражение также было женским, но разительно отличалось от самой Ани, и она наконец поняла почему. Незваная гостья была наряжена в нечто, напоминающее маскарадный костюм. В таких платьях с кринолинами никто не ходит вот уже триста лет. Девушка была молода, но лицо ее выглядело как-то странно. Анна не сразу сообразила, что, несмотря на пышный, даже вычурный, парчовый наряд, на лице призрачной девушки полностью отсутствует косметика. Есть такие счастливицы, которые хороши и в, так сказать, натуральном виде, но эта дамочка была не из таких. На узком лице хороши были только глаза – огромные, черные, словно подсвеченные изнутри – да темные волнистые волосы. Губы слишком тонкие, нос длинноват, а кожа – бледная до синевы.

Поняв, что ее разглядывают, знакомка скорчила Ане рожу. Красивее от этого она не стала, но Анна зато опомнилась. То, что девушка, увидев привидение, – а чем иным могло быть «дополнительное» отражение в зеркале? – не забилась в истерическом припадке, объяснялось просто. Аня до недавних пор сама была ведьмой. Не в том смысле, что горбатая и с помелом, она всего лишь обладала сверхъестественными способностями. Главной ее отличительной чертой был дар ясновидения, но и наколдовать что-нибудь на скорую руку она была в состоянии. Анна даром не злоупотребляла, более того, она мечтала от него избавиться и побыть КАК ВСЕ, то есть обычным человеком. Известно, что наши самые заветные желания имеют дурную способность иногда сбываться. Так вышло и на этот раз. После тяжелого воспаления легких Анна с удивлением обнаружила, что ее дар исчез подчистую. Случилось это, как всегда, не вовремя. Сначала с ней самой стало твориться что-то странное, не поддающееся объяснению. Теперь вот пожаловало привидение.

Лишившись магических способностей, Анна странным образом начала испытывать страх перед потусторонней гостьей. Она сталкивалась с призраком не впервые, но ничего подобного раньше не испытывала. Тем не менее Аня попыталась взять себя в руки и заговорить, но из пересохшего рта не вырвалось ни звука. Девушка в отчаянии взглянула на спасительный перстень с изумрудом, с которым никогда не расставалась, но он больше не источал волшебный свет, как было всегда в минуту опасности. Теперь это был всего лишь крупный изумруд, холодный и бесчувственный.

Черные глаза знакомки, обведенные темными кругами, вспыхнули в полумраке как уголья.

– Ты кто? – выдохнула Анна, как только к ней вернулся дар речи.

Отражение ясно дало понять, что не желает знакомиться.

– Что тебе нужно? – попыталась Аня зайти с другой стороны.

Вместо ответа призрачная женщина очень медленно, как будто с большим усилием, подняла руку и указала прямо на Анну.

«Вот те раз, она пришла за мной!» – сообразила Анна.

Тем временем призрак все тянул и тянул вперед руки, как будто собирался крепко обнять Анну за плечи. Девушка с ужасом наблюдала за тем, что творится в зеркале, но не могла пошевелиться. Ноги словно вросли в пол.

– Аня! – Макс ворвался в ванную комнату. Вспыхнул свет. Аня с перекошенным от ужаса лицом обернулась. В то же мгновение на нее словно обрушился порыв ледяного ветра. Макс увидел, как взметнулись в воздух ее волосы. Аня зажмурилась, содрогаясь всем телом, и застонала. Макс готов был разделаться с любым, даже самым грозным обидчиком, но в ванной была только Анна, которая корчилась в судорогах на холодном плиточном полу.

Зеркало вновь стало обычным посеребренным стеклом, но Аня очень хорошо понимала, что отныне не видать ей покоя. Призрак будет преследовать ее, пока не добьется своего. Чтобы остановить его, нужно разгадать его тайну. Девушка не сомневалась, что все события последних дней связаны воедино, но не могла найти для них достойного объяснения. Ей впервые не хватало слов, чтобы объяснить случившееся даже Макс. Разобраться во всем самой – вот ее единственный шанс на спасение.

Анна в очередной раз соврала, объясняя свое поведение. Макс в очередной раз сделал вид, что поверил. В кухне она принялась мыть посуду, Макс пристроился за столом, Каспер – на подоконнике. Как вдруг, поддавшись внезапному импульсу, Аняхватила только что вымытой тарелкой о край стола. Осколки фарфора брызнули во все стороны.

– Не подходи, – не поднимая глаз, Аня вытянула руку в сторону Макса, как бы не подпуская его к себе. – Не волнуйся. Все в порядке. Это просто нервы. Мне нужно побыть одной.

Она швырнула полотенце на мойку и выскочила из кухни.

– Я скоро вернусь! – донеслось из коридора. Хлопнула входная дверь. Обхватив голову руками, Макс тяжело опустился на стул.

* * *

Анна очнулась, не понимая, где находится. В сгустившихся сумерках фонари, утонувшие в ореолах туманной влаги, бросали тусклый свет на пустынную улицу и крошечную автомобильную стоянку.

«Господи, как меня сюда-то занесло? И где это я?» – устало подумала девушка. Ей было холодно. «Сколько сейчас времени?» – подумала она без любопытства, с единственной целью определить, насколько большой кусок на этот раз выпал из ее памяти. Она огляделась по сторонам. Ничего, только пустые улицы. Хотя нет, впереди на лавочке под корявым деревом кто-то сидел. Аня близоруко прищурилась. Кажется, это женщина. Девушка неуверенно приблизилась, женщина подняла голову. И Аня удивленно вскрикнула:

– Вы?!

– Что в этом удивительного?

– Ничего. Просто не ожидала вас встретить. Разве вы не... Я думала, что вы...

– ...тружусь в поте лица? Как видишь – нет. Мои услуги больше не пользуются спросом.

– Вас выгнали с работы из-за этой истории? Ведь так, Ярослава Викторовна?

– Можешь называть меня просто Яся, мне так привычнее. В остальном ты совершенно права. – В голосе экс-горничной не чувствовалось особой печали. – Отелю не нужны те, кто слишком много знает. Репутация нынче в цене.

– Но ведь с Чебышевым произошел несчастный случай. В чем ваша вина? С каждым может случиться удар, никто не застрахован...

– Удар – подходящее слово. Ни черта не значит, но удовлетворяет профессионалов.

– Я так понимаю, в несчастный случай вы не верите?

– Так же, как и ты.

Подумав, они решили пойти к Мишке Селезневу, коридорному. Он мог много чего интересного рассказать о смерти профессора.

Миша на первый взгляд не внушал доверия. Впрочем, на второй и на третий – тоже. Вертлявый отрок с прыщеватым лицом и плохо промытыми волосами. С такой внешностью, по мнению Анны, его не должны бы подпускать к приличному месту на пушечный выстрел. Однако сам Михаил пылал праведным гневом. Первые десять минут он безостановочно ныл и жаловался на судьбу. Почему-то особенно он ополчился на злосчастного профессора, которому приспичило откинуть тапки именно в его смену.

– Значит, больным постоялец не выглядел? – ловко направила Яся разговор в нужное русло.

– Не, был как огурец. Спужался малость, когда свет вырубили, но потом коньячку хлебнул у камина и порозовел.

– Коньячок он хлебал в одиночестве? Это ведь при тебе было?

– А вам зачем? – вдруг насторожился он.

– Интересно, – пожала Яся плечами. – Что тебе, жалко, что ли?

– А это кто такая? Вдруг она из милиции?

– Милиция тебя уже допрашивала. Забыл? – ловко ушла от ответа Яся.

– Ну да. Задолбали вопросами. По сто раз одно и то же. Я им и половины рассказывать не стал, и без того притомили. А узнали бы про англичанина, так и вообще бы не отстали.

– погоди, какой еще англичанин? – встрепенулась Яся. – Тот, что из сто двадцать пятого? Как же его...

– Имени не помню, как-то не по-нашему.

– Значит, этот тип был в номере профессора, – задумчиво проговорила Яся и нахмурилась. – О чем они говорили?

– А я знаю? По-английски же балакали, – обиженно протянул Миша.

– Ну да, ну да. Слушай, я тут подумала: может, зря ты ментам про иностранца не сказал?

– А зачем хорошего человека тревожить?

– Затем, что хороший человек, похоже, последним общался с покойником, – рявкнула Яся.

– Тю, так он к тому времени давно ушел. Я его позже в ресторане приметил. А профессор и позже был живехонек.

– Откуда знаешь?

– А ты не наседай! Я тебе докладывать не обязан, – огрызнулся парень.

– Извини. Я тоже расстроилась, сам пойми. Хочу хотя бы разобраться, из-за чего работы лишилась. На вот, возьми. Тебе сейчас деньги-то нелишние. – Она сунула в потную ладонь пару сторублевков. Мишка заметно повеселел.

– Другой разговор, – пробормотал он, засовывая мзду в карман. – Так бы сразу и сказали.

И деловито продолжил:

– Значит, так. Свет вырубился около восьми вечера. Минут через десять я свечи в сто двадцать второй принес и камин запалил. Англичанин уже в номере был, они как раз коньяк откупоривали. Что после было – не знаю, но где-то в половине десятого этот, из сто двадцать пятого, в ресторане ошивался.

Анна быстро прикинула в уме, что, если верить эксперименту со свечами, именно в это время, в половине десятого, ветер из разбившегося окна загасил свечу. Выходит, англичанин никак не может быть причастен к смерти профессора. Как пишут в детektивах, у него твердое алиби. Другое дело – красный блокнот. Тут англичанин вполне мог приложить руку. Яся сказала, что он и профессор вроде бы были коллегами, то есть и тот и другой занимались

поэзией Средних веков. Это только кажется, что ученые все такие белые и пушистые. На самом деле и в этой среде встречаются самые разные люди, а конкуренция почище, чем в бизнесе.

– Скажите, Миша, а этот англичанин курил? – впервые подала голос Аня, вспомнив следы пепла на ковре.

– Нет. Он вообще некурящий. И профессор, кстати, тоже. А почему вы спросили?

– Ты говорил, что можешь доказать, что Чебышев был жив после ухода англичанина, – напомнила Яся.

– Кто такой Чебышев?

– Ну профессор, из сто двадцать второго.

– Ах да! Так и есть. Часиков в девять с минутами он с бабой ругался. Я мимо шел, слышал.

– Так там еще и баба была? – хмыкнула Яся.

– Да. Только она не из наших. Странная такая, как будто не в себе немного. Ругалась очень, кричала.

– Что кричала?

– А я знаю? Тоже не по-нашему.

– Ясно. Еще одна иностранка, – протянула Яся задумчиво. – Интересно... И что, профессор ее впустил?

– При мне – нет. Только послал ее куда подальше.

– Как же ты разобрал? Он ее небось на ее же языке посылал.

– Когда посылают, все ясно и без перевода, – не смутился парень. – Он как гаркнет: «Fuck you!», даже у меня уши заложило. Вот уж не думал, что этот божий одуванчик такие слова знает.

– А как женщина выглядела, вы запомнили? – поинтересовалась Аня.

– На испанку похожа. Вся в черном с ног до головы, только воротник и манжеты белые. Как есть монашка. Вот только глаза... – Мишка неожиданно поежился. – Страшные такие глаза у нее. Будто мертвые...

Глава 6

– Ну, что скажешь? – осведомилась Яся, как только они вышли из подъезда.

– Даже не знаю... По-моему, все еще больше запуталось. – Аня страдальчески улыбнулась. – Кстати, мне показалось, что вам не понравилась новость о том, что англичанин ужинал в ресторане. Почему?

– Потому, что это было в девять часов. А это означает, что к смерти профессора данный тип отношения не имеет. Жаль. Хороший был подозреваемый. У меня встречный вопрос: что ты знаешь о женщине, посетившей профессора? Ведь ты что-то знаешь?

– Увы, практически ничего. Еще не факт, что это та самая женщина. Но я видела похожую на одной научной конференции.

– Ты посещаешь подобные мероприятия?

– Да нет. Я искала там Чебышева. Это было сегодня утром.

– Чебышев уже был мертв к тому времени, – проговорила Яся задумчиво. – Почему ты обратила внимание именно на эту даму?

– Она показалась мне опасной. Боюсь, что не просто показалась... Один человек сказал, что Селия Бэкон – буйнопомешанная. А как вы узнали, что Чебышев умер после девяти вечера?

– Свеча. Я стащила одну у кастелянши, подожгла и засекала время. Вышло, что у Чебышева она прогорела около двух часов. Остальное – дело техники.

– Я проделала то же самое дома, – призналась Анна. Яся одобрительно хмыкнула. Они поравнялись со скамейкой, возле которой встретились.

– Ну что ж, давай прощаться, – вздохнула Яся. – Тебе, наверное, пора домой.

И тут выяснилось, что Ясе некуда идти... И добросердечная Аня пригласила ее к себе домой. А по дороге рассказала о проблеме, так мучившей ее.

* * *

– Твоя главная ошибка в том, что ты пытаешься все решать в одиночку, – произнесла Яся, когда Аня поведала ей все свои страхи.

– Но к кому я могу обратиться?

– А Макс на что?

– Он и так, по-моему, боится, что у меня «не все дома».

– Это тебе так кажется, – возразила женщина. – Хочешь узнать, как обстоят дела на самом деле – подойди и спроси у него.

– А если он подтвердит, что считает меня сумасшедшей?

– Вот тогда и станешь заморачиваться. Но раньше – ни-ни!

– Чем черт не шутит, может, вы и правы, – улыбнулась Анна с благодарностью.

– А я всегда права. Ты в этом скоро убедишься.

Иногда эта женщина приводила Анну в оцепенение.

Новость о жиличке Макс воспринял стоически, по принципу «чем бы дитя ни тешилось». Но, узнав, в какую историю угодили женщины, его симпатия к новой знакомой превратилась в стойкую неприязнь. Аня и сама по себе вечно влипала в неприятности, а в компании шансы на это вдвое возрастают.

– Зачем тебя понесло в эту гостиницу? – спросил он излишне резко.

– Мне нужно было встретиться с профессором Чебышевым, – сухо пояснила Анна.

– Зачем тебе понадобился старикан?

– Он мог ответить на один очень важный вопрос. Я думала, что он мне поможет.

– А попросить помощи у меня тебе в голову не приходило?

– Я пытаюсь сделать это сейчас. Но ты не хочешь меня слышать! – в отчаянии вскричала Аня. Яся обняла ее за плечи и попросила Макса:

– Выслушайте ее.

Тот недовольно нахмурился и сел на стул, демонстративно скрестив руки на груди. Анна глубоко, как-то обреченно, вздохнула и медленно, через силу, произнесла:

– То, что в последнее время со мной творится неладное, для тебя не новость. Но о главном я не говорила. Однажды ночью я проснулась от того, что кто-то шептал мне в ухо непонятные слова, снова и снова. Сон прошел, но слова остались. Они вертелись в голове, повторялись до бесконечности. Так иногда бывает с какой-нибудь мелодией – услышишь утром по радио и потом весь день поешь. Но здесь было гораздо хуже, потому что фразы – это определенно были какие-то стихи – звучали на английском языке. Ты, Макс, достаточно хорошо знаешь меня и можешь подтвердить, что стихами я, увы, не увлекаюсь. И не знаю ни одного на английском языке. Кроме тех, что учила когда-то в школе. Но это было совсем не то. В конце концов, промучившись не меньше часа, я не выдержала и записала навязчивые строки на бумагу. Тогда я собиралась показать их тебе на следующее утро, но к утру совершенно забыла об этом. Как только слова превратились в рукописные строчки, рифмы улетучились из моей головы, и я смогла спокойно отправиться спать.

– Может быть, в тебе проснулась поэтесса? – спросил Макс с иронией.

– Вряд ли. Разве что эта поэтесса родом из Англии. Ты знаешь, я неплохо владею английским языком, но сочинять на нем стихи мне слабо. Впрочем, даже не в этом дело. На днях я зашла в маленькое кафе выпить кофе. Кафе было почти пустым. Только какой-то старик уселся у окна, чтобы пообедать. Я не обратила на него внимания, но вдруг услышала знакомые строки. Старик бормотал себе под нос те самые стихи. Мне показалось, что он пытается заучить их наизусть или что-то в этом роде. Временами он подглядывал в толстую красную тетрадь. Очевидно, стихи были в ней записаны. Что я должна была подумать и что предпринять? Времени на раздумья не было, старик мог уйти из кафе в любую минуту. И я решилась: просто подошла внаглую и попыталась с ним заговорить. Дедушка оказался слишком пугливым. Почему-то мое появление ему не понравилось. Он ни в какую не желал идти на контакт и, по-моему, даже принял меня за проститутку. От всего этого я совсем растерялась и не могла сообразить, как половчее спросить его о стихах. После болезни я совершенно лишилась способности читать мысли и не могла понять, что у него на уме. Исчезла и способность видеть будущее. Только линии на руке еще могли рассказать мне о чем-то, недаром я когда-то зубрила хиромантию. Неожиданно Чебышев позволил мне взглянуть на его руку, но то, что я там увидела, меня не обрадовало. Старик должен был умереть в самое ближайшее время, буквально в течение нескольких последующих часов. От неожиданности я выпалила ему это, чем привела в ярость. Он набросился на меня чуть ли не с кулаками, мне пришлось уйти. Остальное вы знаете.

Анна с надеждой взглянула на Макса, но он отвел глаза, задумчиво теребя подбородок.

– По-моему, тебе следует выбросить из головы эту историю, – наконец сказал он. Анна ожидала не такого ответа. На глаза ее навернулись слезы. Она беспомощно взглянула на Ясю, та укоризненно покачала головой.

– Прятать голову в песок – не лучшая тактика, – сказала она тихо. – В тетради профессора могли быть лишь стихотворные строки, созданные как минимум четыре века назад. Анна вряд ли могла слышать их раньше и тем не менее знает их наизусть. Вас это не удивляет?

– Удивляет. И что с того? Не вижу повода копаться во всем этом. Тем более спросить больше не у кого. Ваш профессор скончался, а тетрадь пропала неизвестно куда...

- Именно поэтому, – по своей любимой традиции перебила его Яся. – Вас не пугает, что человек, изучающий те самые стихи, умер так неожиданно и внезапно?
- Вы намекаете, что и Ане угрожает опасность?
- Я этого не исключаю.
- Но с какой стати?
- Слишком много всего. Если вы перестанете мне перечить из чисто мужского упрямства и обдумаете все спокойно и последовательно, то придете к единственному выводу.
- К какому?
- Вашу девушку надо спасать.

Глава 7

Следующее утро началось довольно мирно и довольно поздно. Они проговорили далеко за полночь, но в конце концов выработали план, который более или менее удовлетворял все стороны.

Сразу после завтрака Макс отправился к старому знакомому, который, по его словам, слыл асом в средневековой поэзии. Анна впервые услышала о том, что у Макса имеются такие продвинутые знакомые, и не скрывала удивления. Встреча должна была состояться только во второй половине дня, и свободное время Яся и Аня решили провести с толком. Яся позвонила кое-кому и выяснила, что англичанина, постояльца из сто двадцать пятого номера, который навещал профессора незадолго до смерти, звали Роберт Сомерсет. Сегодня после полудня он планировал съехать из гостиницы, и подругам следовало поторопиться.

В отель Ане пришлось идти одной, но ей сразу же повезло. Яся достаточно подробно описала англичанина, и, едва шагнув через порог, она увидела его возле регистрационной стойки. Подойти сразу девушка не решилась. Сомерсет заполнял какие-то бумаги, и она решила ему не мешать. Прямо напротив стойки портье располагался уютный уголок – шесть белых кожаных диванов, между ними – круглый столик с инкрустацией. Стену покрывал шелковый гобелен внушительных размеров с японскими мотивами. Аня присела на краешек дивана, исподтишка посматривая на объект.

Выглядел англичанин лет на шестьдесят. Довольно высокий, подтянутый для своего возраста. У него было гладко выбритое, аскетичное лицо, мягкий рот и доброжелательные глаза, умные и немного усталые. Добротный костюм и мягкая темная шляпа выдавали в нем иностранца. Однако в широких плечах, упакованных в отлично скроенный пиджак, угадывалась скрытая сила, которая как-то не вязалась с общей респектабельностью.

И еще руки... Изящные, ухоженные, одним словом, аристократические, они казались необычайно сильными. Такие руки бывают у художников или у скульпторов, но Анна знала от Яси, что англичанин занимался наукой, в частности, все той же средневековой поэзией. И был коллегой Арсения Полуэктовича Чебышева.

Покончив с формальностями, мистер Сомерсет направился к выходу, но на полдороге его перехватила Анна. Внезапно ее одолела робость, голос охрип и стал как будто чужим. С трудом подбирая английские слова, она с натугой произнесла:

– Прошу прощения, мистер Сомерсет, позвольте задать вам несколько вопросов?

Англичанин не сразу сообразил, чего добивается эта русская, однако выслушал ее путаный монолог не перебивая. Упоминание Чебышева вызвало на его лице понимание и печаль одновременно. Он выразил свои соболезнования и пробормотал что-то об утрате, которую понесла российская наука. Анна пропустила его слова мимо ушей и еле дождалась паузы, чтобы задать свой главный вопрос:

– Я слышала, что вы ужинали с профессором в тот злополучный вечер.

Анна внимательно следила за его реакцией, но не заметила ровным счетом ничего подозрительного. Разве что легкое удивление, что было вполне объяснимо.

– Да, конечно, – не стал отпираться мистер Сомерсет, – мы обсуждали его предстоящее выступление. Оно могло стать сенсацией, можете мне поверить. Умнейший был человек! Кто бы мог подумать, что эта встреча станет последней.

Англичанин сокрушенно покачал головой. Видя его отношение, Анна решилась и выпалила:

– Помогите мне!

– Ради бога. Но чем я могу вам помочь?

– Пожалуйста, вспомните тот вечер. Может, вы заметили какие-нибудь странности?

– Главная странность в том, что во всем районе внезапно погас свет. Впрочем, об этом вы, наверное, знаете.

Анна нетерпеливо кивнула.

– Речь не об этом! Я говорю о самом профессоре. Он вел себя как всегда? Или вы заметили что-то необычное? Подумайте как следует, мистер Сомерсет! Это важно. Любая мелочь может натолкнуть на разгадку этой трагедии.

Англичанин выглядел обескураженным.

– Разве это был не несчастный случай? – нахмурился он.

– Таково официальное мнение, – ответила Анна уклончиво. – Но сердечный приступ не случается на пустом месте. Что-то должно было случиться. Волнение, испуг, нервное потрясение, короче, вы меня понимаете? Может быть, Чебышев выглядел встревоженным?

– Вовсе нет, – возразил мистер Сомерсет. – Конечно, неприятность с электричеством расстроила его, но я и сам был вне себя. Чтобы расслабиться, мы выпили немного бренди, и профессор пришел в хорошее расположение духа. Он даже припомнил забавный случай: в кафе к нему прицепилась какая-то гадалка...

– Хорошо, хорошо, – перебила Анна, – но сейчас не об этом. Вы, значит, уверены, что профессор был совершенно здоров?

– Ну, видите ли, я не врач, чтобы ставить диагноз...

– Да, понимаю, – погрустнела Аня. Все было зря. Англичанин выглядел благообразным до безобразия. Он не убивал профессора, это очевидно. Даже кража красной тетради была ему совершенно ни к чему. Этот иностранец был воплощенным благополучием. Надо же было так обмануться...

– Вот что я вспомнил, – вдруг сказал мистер Сомерсет. – Мы сидели за столиком у окна. Я – спиной к окну, а профессор напротив меня. Вдруг я заметил, что мистер Чебышев что-то пристально разглядывает за моей спиной. Естественно, я тоже обернулся, но не увидел ровным счетом ничего. Света все еще не было, на столике горела только свеча. В результате двор за окном просматривался довольно отчетливо. На минуту мне показалось, что во дворе кто-то есть. Какая-то тень промелькнула возле кустов, но я ничего конкретного не разобрал. Это могла быть крупная собака...

– Но мог быть и человек? Вы ведь не уверены?

– Не уверен, – признался мистер Сомерсет. – Но что бы там ни было, в комнату оно проникнуть не могло. Окно было плотно закрыто, да и профессор быстро успокоился. Когда я спросил его, он ответил, что ему померещилось.

Англичанин дал понять, что тема исчерпана, но Аня все же решилась задать последний, очень важный для нее вопрос:

– Вы когда-нибудь видели у профессора красную тетрадь?

– Когда-нибудь? Да постоянно. Насколько я могу судить, с этой тетрадью, где у профессора хранились рабочие записи, он не расставался ни днем ни ночью.

– Вам известно содержание этих записей? Результаты исследований представляли какую-нибудь ценность?

Профессор замялся.

– Это с какой стороны посмотреть, – ответил он наконец, тщательно подбирая слова. Точно такие же интонации Аня слышала в голосе нахального соседа в конференц-зале, хотя тот выражался куда резче. – Для научного мира его работа вряд ли представляла сколько-нибудь существенный интерес, но для самого профессора она была, безусловно, бесценна. Он потратил на исследования почти десять лет и искренне считал, что совершил открытие.

– Над чем он работал? – затаив дыхание, спросила Аня.

– Трудно объяснить... Он обнаружил в архиве некий сборник, изданный на рубеже шестнадцатого-семнадцатого веков, и счел его содержание уникальным. На самом деле...

– Вы считаете, что он ошибался? Сборник не представлял ценности?

– К сожалению, я не настолько хорошо разбираюсь в материале, чтобы ответить на ваш вопрос. Профессор Чебышев тщательно скрывал окончательные выводы, что совершенно естественно в среде исследователей всех мастей... Прошу прощения, я, кажется, опаздываю, – вдруг спохватился ученый. – К сожалению, больше ничем не могу вам помочь.

На прощание мистер Сомерсет галантно поцеловал Ане руку, но она все равно чувствовала себя паршиво. Провожаемая неприязненным взглядом портье, она понуро вышла из отеля. Англичанин садился в ожидавшее его такси, лицо его было озабоченным. Анну на крыльце он не заметил, и она была этому рада.

* * *

В прихожей, рядом с обувью Макса, обнаружили чужие ботинки. Аня поняла, что у них гости, точнее – гость: ботинки были мужские.

Когда она вошла в комнату, заготовленная заранее приветливая улыбка сползла с ее лица, как акварель, неосторожно облитая кипяченой водичкой. На диване вольготно устроился нахал из Дома ученых и скалился ей в лицо.

– Познакомься, Аня, это Александр Снежко, о котором я тебе рассказывал, – весело крикнул из кухни Макс, который не мог оторваться от приготовления кофе. – Что ты застыла на пороге? – удивился он, натываясь на нее с подносом, уставленным чашками. – Эй, вы что, знакомы? – с опозданием дошло до него.

– Виделись, – буркнула Аня.

– Что ж ты мне раньше не сказала? – спросил Макс с подозрением.

– А твой друг так хорошо воспитан, что забыл представиться в прошлый раз, – язвительно откликнулась она.

Макс повернулся к Снежко и потребовал:

– Может, ты меня просветишь, когда и где познакомился с моей девушкой?

Тот вскинул руки вверх и рассмеялся.

– Никакого секрета, все легально и очень прилично. Мы оказались соседями на одной научной конференции в Доме ученых, но твоей девушке я сильно не понравился. По-моему, она считает меня хамом и балбесом.

– Да уж, ты умеешь произвести нужное впечатление, – покачал головой Макс. – Ань, Сашка вовсе не такой придурок, каким хочет выглядеть. И образование у него высшее, даже два. Просто он такой по жизни. Не обращай внимания. В нужной нам области он, без преувеличения, лучший специалист.

Но Аня неожиданно заупрямилась.

– Пока он не объяснит, чем занимается, я с ним дела иметь не желаю.

– Аня! – укоризненно воскликнули Макс и Яся, проявив завидное единение.

– Оставьте, пусть. Девушка имеет полное право знать. Вы ведь меня некоторым образом нанимаете, – усмехнулся Александр. Похоже, ничто не могло лишить его хорошего настроения. Он привстал с дивана и изобразил полупоклон во все стороны, гаркнув: – Прошу любить и жаловать, дамы и господа, перед вами – библиофил!

Он плюхнулся обратно и продолжил совсем другим тоном:

– Точнее, охотник за редкими книгами.

– Вы не ученый, так я и думала! – продолжала придирается Анна.

– Я разбираюсь в антикварных изданиях лучше некоторых академиков, барышня, – заверил он. – Такие знания – мой хлеб.

– Сашка – настоящий аристократ мира букинистов, – пришел на помощь другу Макс. – Его услуги стоят очень дорого.

С большой неохотой Анна достала сложенный вчетверо листок с книжной полки. Пока он читал, девушка пристально следила за его лицом, но оно оставалось бесстрастным. Только глаза бегали туда-сюда по строчкам. Дойдя до конца, он аккуратно сложил листок и отложил его в сторону.

– Ну, что это такое? – не удержавшись, спросила Анна.

Он усмехнулся и с чувством продекламировал:

– Let the bird of loudest lay,
On the sole Arabian tree,
Herald sad and trumpet be,
To whose sound chaste wings obey.

Это вы имеете в виду?

Анна пораженно молчала. Снежко прочел злополучные стихи по памяти, не заглядывая в бумажку!

– Во дает! Шпарит наизусть! – восхитился Макс, не почувствовав подвоха.

– Ничего экстраординарного, – фыркнул Александр. – Стихи великих поэтов сейчас модно декламировать.

– Великих? – нахмурилась Анна и покраснела. – Вы кого имеете в виду?

Саша взглянул на нее снисходительно:

– Это Шекспир, барышня! – Он повернулся к Макс. – Твой розыгрыш не удался, браток. Решил меня подловить? – подмигнул другу Саша. – В следующий раз выбирай кого...

– Это не розыгрыш, – перебила его Аня. При упоминании имени Шекспира она моментально вспомнила скомканный листочек в скрюченных пальцах мертвого профессора, но потом ей стало очень стыдно и очень плохо. – Эти строки приснились мне во сне, и я клянусь, что понятия не имела, что это такое, – продолжала она, с трудом удержав слезы.

– Да будет вам, Аннушка, – растерялся парень. – Возьмите любое полное собрание сочинений Великого Барда и сами убедитесь, что его завершает данная поэма «Феникс и голубка». Макс, это что, не шутка, что ли?

Макс отрицательно покачал головой.

– Да боже мой, братцы! – всплеснул руками охотник за книгами, увидев его расстроенное лицо. – Давайте я вам докажу. У вас есть Шекспир? Желательно, сонеты или, еще лучше, сборник.

Макс бросился к книжным полкам. Тем временем Яся спросила:

– Если это такая распространенная и широко известная поэма, то почему она так заинтересовала Чебышева? – Снежко не успел ничего ответить, к ним с потрепанной толстой книгой в руках подскочил Макс.

– Вот! Нашел!

Снежко бережно принял книгу в руки, хотя это был не раритет, а просто многотиражный сборник. Любовь к книгам была у парня в крови. Он, не глядя в содержание, раскрыл томик на последних страницах и удовлетворенно кивнул головой:

– Ну да, так я и думал. Вот она, «Феникс и голубка». Перевод, естественно, Левика. – Он перевернул книгу и взглянул на титул. – 1960 год. Слушайте:

Птица с голосом как гром,
Житель важный палм пустынных,
Сбор труби для птиц невинных,
Чистых сердцем и умом!

Ты же, хриплый нелюдим,
Злобных демонов наместник,
Смерти сумрачный предвестник,
Прочь! Не приближайся к ним!

Кровопийца нам не брат,
Хищных птиц сюда не нужно,
Лишь орла мы просим дружно
На торжественный обряд.

– Здесь заканчивается то, что записано у Анны, но у Шекспира следует объемное продолжение, – сообщил Снежко между делом. – Вот оно:

Тот, кто знает свой черед,
Час кончины неизбежной, —
Дьякон в ризе белоснежной,
Лебедь песню нам споет.

Ты, чей трижды длинен путь,
Чье дыханье – смерть надежде,
Ворон в траурной одежде,
Плачь и плакальщиком будь.

Все – и страсть и верность – хрупко!
Где ты, феникс, где голубка?
Их огонь огнем спален.

Так слились одна с другим,
Душу так душа любила,
Что любовь число убила:
Двое сделались одним.

Всюду врозь, но вместе всюду,
Меж двоих исчез просвет.
Не срослись, но щели нет, —
Все дивились им как чуду.

Так сроднились их черты,
Что себя, себя же вскоре
Он открыл в любимом взоре, —
«Ты» – как «я», и «я» – как «ты».

И смешались их права:
Стало тождеством различье,
Тот же лик в двойном обличье,
Не один, а все ж не два!

Ум с ума сходил на том,
Что «не то» на деле – «то же»,

Сходно все и все несхоже,
Сложность явлена в простом.

Стало ясно: если два
В единицу превратились,
Если разность совместилась,
Ум не прав, любовь права.

Славь же, смертный, и зови
Две звезды с небес любви,
Скорбно плача у гробницы
Феникса и голубицы.

Юность, верность, красота,
Прелесть сердца, чистота
Здесь лежат, сомкнув уста.

Феникс умер, и она
Отошла, ему верна,
В царство верности и сна.

Не бесплоден был, о нет,
Брак, бездетный столько лет,
То невинности обет.

Если верность иль – увы! —
Красоту найдете вы —
То обман, они мертвы.

Ты, кто верен и любим,
Помолись на благо им
Перед камнем гробовым.

Короче, все умерли, – подытожил Снежко и с чувством захлопнул книжку.

– Благодарю за литературные чтения, – неожиданно подала голос Яся, – но у меня к вам вопрос как к специалисту...

– Слушаю внимательно.

Женщина помахала в воздухе Аниным листком:

– Я вот тут прочла и заметила кое-что странное: перевод – как вы сказали, Левики? – довольно значительно отличается от подстрочного перевода первоисточника. Похоже, что переводчик сосредоточился на красоте рифмы, а смысл передал лишь в общих чертах. Если вы не против, а покажу, хотя вышло у меня довольно коряво. – Внимательно глядя в Анин листок, Ярослава Викторовна прочла:

Пусть эта громкоголосая птица
На одиноком дереве Аравии
Будет печальным глашатаем, голосу которого
Повинуются все чистые крылья.

Разница очевидна. Из дословного перевода ясно, что птица-глашатай, по всей вероятности, Феникс. Ибо, согласно легенде, именно на одиноком дереве Аравии обитает эта сказочная птица. Просто пальмы – это просто пальмы. Еще одно отличие в том, что в оригинале с первых строчек ясно, что речь пойдет о траурной церемонии, у Левика же это просто сбор. Слушайте дальше.

Но ты, визгливый посланец,
Мрачный предвестник дьявола,
Прорицатель лихорадочной агонии,
Не приближайся к ним.

Здесь смысл близок к изначальному, однако меня почему-то метафоры «мрачный предвестник дьявола» и «прорицатель» заставляют поверить, что речь идет о вполне реальном злодее. А вас?

– Я с тобой согласна, Яся, – закивала головой Анна. – Именно это четверостишие напугало меня больше всего. Мне вдруг показалось, что эти строки – предзнаменование чего-то ужасного, предупреждение, если хотите. У Левика четверостишие звучит вполне безобидно, как сказка.

– А по-моему, дамы, у вас просто слишком развито воображение, – пробормотал Снежко себе под нос, но настаивать не стал.

– Подождите, – попросила Яся, – я еще не закончила. У Анны есть только три четверостишия. Это последнее, доступное для сравнения:

От этой торжественной церемонии
Отлучены все тиранические крылья
Кроме орла, пернатого короля.
Это должно строго соблюдаться при погребении.

– Сейчас вы скажете, что орел назван королем не случайно, – вставил Александр.

– Конечно, скажу, – невозмутимо кивнула Яся. – Кроме того, здесь снова подчеркивается, что речь идет о похоронах. У Левика же смысл «сбора» становится понятен лишь в самом конце...

– Все это замечательно, – перебил Макс, – но я никак не пойму, куда вы клоните?

– В общем, никуда. Просто хочу разобраться, почему в голове современной девушки, не увлекающейся поэзией, возникли строки очень мрачного реквиема, который, как выяснилось, являлся к тому же предметом серьезного исследования профессора Чебышева.

– Чебышев – старый маразматик, – фыркнул Снежко.

– Он умер, – напомнила Яся.

– Как раз накануне того дня, когда собирался обнародовать результаты десятилетних исследований, – добавила Аня.

– Вы подтасовываете факты! – погрозил Саша пальцем.

– Я просто не пытаюсь закрывать на них глаза, – легко парировала женщина.

– У ваших фактов существует банальное объяснение, – не желали сдаваться мужчины. – Аня читала раньше поэму Шекспира. Читала так давно, что совершенно об этом не помнит. А когда ее мозг сыграл с ней шутку и вытащил из закров забытые строчки, то, естественно, она вспомнила их с ошибками. Отсюда и излишний драматизм.

Весьма довольный собой, Саша обвел глазами присутствующих, но его выводы не вызвали ни у кого восторга.

– Ну и что вы намерены делать? – спросил он обреченно.

– Разрешить спор можно лишь одним способом, – примирительно сказала Яся. – Нужно найти первоиздание поэмы и сравнить текст до конца. Думаю, тогда многое станет ясно.

– Ха! – Снежко подпрыгнул на месте и хлопнул себя по коленям. – Вы хоть представляете себе, что вы предлагаете?!

– Что-то противозаконное? – вздернула брови женщина.

– Нет, к счастью. Но очень, я повторяю – очень трудновыполнимое.

– Почему это?

– Да потому, что сборник, в котором впервые была напечатана эта поэма Шекспира, существует всего в трех экземплярах. Кажется, он имеет глупое название «Жертва любви», и именно его изучал Арсений Полуэктович.

– Ты же говорил, что не помнишь тему его исследований! – с язвительной подозрительностью напомнила Аня.

– А теперь вспомнил, – огрызнулся Снежко.

– Ты, Саша, сказал, что увидеть сборник невозможно, – вклинилась в их перепалку Яся. – Это действительно так?

– И чем вы только слушаете, – проворчал Снежко. – Я сказал – трудновыполнимо!

– Но почему?

– Да потому, что книжонок осталось всего три штуки! – Для наглядности он продемонстрировал три растопыренных пальца.

– Так мало? – огорчилась Аня.

– А что вы хотели, барышня? Все-таки четыреста лет прошло. Точно не скажу, но данный раритет был издан в тысяча шестьсот каком-то году и больше не переиздавался.

– А Шекспир?

– Его поэму позднее стали включать в сборники, только и всего.

– А где находятся эти книжки? – спросил более практичный Макс.

– Макс, ты спутал меня с Большой советской энциклопедией, – фыркнул Снежко, – но тебе повезло. Я знаю, где хранятся эти, с позволения сказать, раритеты. Один, – начал он загибать пальцы, – в Лондоне, что естественно, а вот два других – в Америке. Американцы с их немереными бабками испокон века стаскивали к себе в страну все что ни попадя.

– Слишком расплывчатые сведения, – вздохнула Яся. Саша недовольно сверкнул глазами.

– Вам и этого мало? – спросил он.

– Ну, если вы больше ничего не знаете... – протянула хитрая Яся.

– Я-то знаю! – рывкнул он, попавшись на удочку. – В Лондоне – Британская библиотека. Затем – Вашингтон, Шекспировская библиотека Фолджера и, наконец, Библиотека Джона Хантингтона в Калифорнии, в городке Сан-Марино.

Аня впервые взглянула на специалиста с уважением. Сам специалист по-волчьи скалил зубы:

– Ну что, энтузиазма не поубавилось? Все еще горите желанием подержать в руках нетленку?

– Вы, Сашенька, неподражаемы, – ласково проговорила Яся. – Умный, находчивый, раскрепощенный. Если не будете раскрепощаться дальше, далеко пойдете.

Снежко от такого заявления только крикнул. Макс хрюкнул, сдерживая смех. Аня тихонько хихикнула.

– У нас, кажется, есть выход, – сообщила она, глядя на Макса.

– Ты имеешь в виду Нурию? – догадался он и пояснил остальным: – У Ани лучшая подруга живет в Сан-Марино.

– Удивительное совпадение, – пробормотала Яся, но в ее голосе особого восторга не слышалось.

Аню переполнял энтузиазм. Ее радовало, что проблему можно разрешить так просто.

– Я попрошу Нурию сходить в эту библиотеку и сделать копии с книжки, – радостно делилась она планами. – А потом она перешлет их мне. На все уйдет всего каких-нибудь два-три дня, а если воспользоваться быстрой почтой, то можно и за день обернуться. Надеюсь, она еще не укатила со своим женихом, – проговорила она, направляясь к телефону.

– Ты уверена, что нам следует ввязываться в это? – предостерег ее Макс напоследок.

Анна резко обернулась и отчеканила, глядя прямо ему в глаза:

– Да. Я уверена. Та девушка из зеркала, о которой я вам рассказывала... Я, конечно, не сильна в историческом костюме, но, на мой взгляд, она была одета в средневековое платье времен Шекспира.

– Еще одно совпадение, – покачала головой Ярослава Викторовна.

Аня удрученно кивнула.

– То-то и оно.

– О чем вы говорите? – напомнил о себе Снежко.

– О привидении, – отмахнулась Аня.

– Вы спятили? – догадался парень. – Или мне это только кажется? Интересно, бывает массовое помешательство?

– Успокойся, мы все в своем уме. – Макс похлопал друга по плечу. – Аня, звони. А я пока введу Сашку в курс дела. Без него нам, похоже, не обойтись.

Аня благополучно договорилась с подругой. Снежко, с трудом переварив информацию, решил проявить благородство. Снисходительно поглядывая на Анну, он объявил:

– Так и быть, если ваша американка не справится, попрошу прислать вам микрофильм из Вашингтона. Есть у меня там человек...

– Свой человек в Вашингтоне, – усмехнулся Макс. – Звучит заманчиво.

Глава 8

Аня никак не могла привыкнуть к тому, что ее новая подруга действительно не спит по ночам. Этой ночью она решила составить ей компанию, пришла на кухню и попросила чаю. Яся не удивилась, хотя часы показывали половину третьего, она как будто ожидала, что девушка присоединится к ней.

– Полуночничаете? – спросила она с улыбкой.

– С недавних пор мне страшно спать, – неожиданно призналась Аня.

– Ты вроде как уже большая девочка, чтобы бояться темноты, – пошутила Яся. Аня покраснела. – Кто тебя пугает?

Девушка молчала.

– Та дама из зеркала? – проявила Яся догадливость.

– И она тоже. Но бояться я начала раньше, еще до того, как ее увидела. Она очень похожа на... – Аня не закончила. И снова ее подруга явила чудеса сообразительности.

– Она похожа на ту женщину, которую ты видела на конференции. Угадала?

– Та была гораздо старше, – засомневалась девушка, теребя прядь спутанных волос. – Но тем не менее они обе как-то связаны. В моем сознании. Я несу бред?

– Нет! Ты просто напугана. Могу тебя успокоить. Это не она. По крайней мере, в гостинице буянила вполне реальная женщина. Призрак – существо бестелесное, а зачастую и безгласное, так что устроить погром в общественном месте ему не по силам.

– Ты разбираешься в привычках привидений? – удивилась Аня.

– Ты даже не догадываешься, как много я об этом знаю, – усмехнулась Яся недобро.

– Слушай, кто ты на самом деле? – вдруг насторожилась Аня.

– Забавно слышать этот вопрос от тебя. Видать, тебя действительно сильно потрянуло.

– Так ты...

– Не бойся, договаривай. Ты ведь хотела сказать, что я ведьма, так?

– Ну...

– Да ты не смущайся. Тем более что ведьмой меня назвать нельзя. Во всяком случае, я не такая, как ты.

– Не понимаю...

– Сейчас объясню. – Женщина ободряюще улыбнулась и подмигнула, вмиг рассеяв все Анины страхи. – Ты получила свой дар от рождения. Грубо говоря, тебя не спрашивали, хочешь ли ты быть не такой, как все. От тебя требовалось только научиться управлять своей силой. Насколько я знаю, училась ты спустя рукава, потому, что тебе никогда не нравилось быть ведьмой и ты сопротивлялась, как могла...

– Сейчас мне кажется, что я была не права, – вздохнула Анна.

– Что имеем – не храним, – пожала плечами Яся. – В отличие от тебя, я родилась и прожила большую часть жизни обыкновенно. Но потом мне захотелось научиться колдовать, и я стала учиться по книгам.

– Разве такое возможно?

– Я тебя умоляю. Можно и зайца научить курить, как говорилось в «Служебном романе», – кстати, обожаю эту комедию – было бы только желание. Типичный пример – Дэвид Копперфильд. Не все его фокусы – чистый трюк, магии там тоже навалом, но по рождению он вовсе не маг. Конечно, вершин мастерства мне не достичь, но кое-что и я умею.

– Еще одно совпадение? – задумчиво проговорила Анна. – Я имею в виду то, что мы встретились.

– Я знаю об этом столько же, сколько и ты, – ответила Яся уклончиво.

– Ты уверена, что действительно что-то произойдет? – спросила Аня с сомнением.

– Еще как! Чересчур много совпадений. Нутром чую, что затевается большая игра. Знать бы еще, кто в ней водит.

Три дня спустя в доме вновь собралась все та же теплая компания. Снежко заявился в гости без приглашения. За прошедшие дни Аня потихоньку навела о нем справки. Выяснилось, что среди коллекционеров-букинистов Александр – личность весьма известная, даже легендарная. Его познаниям в литературе XVI–XVII веков завидовали самые матерые собиратели. Сам Снежко утверждал, что все знать невозможно, но если он чего-то не знает, то этого не знает никто.

В данный момент Сашка утопал в удобном кресле с самым расслабленным видом. Однако это была только маска. Острый глаз Анны подметил глубокую морщинку у него между бровей. В прошлый раз никакой морщинки не было. Справедливости ради нужно заметить, что напряжение испытывали все без исключения. От Нурии из Сан-Марино не было никаких известий. Аня безуспешно обрывала телефон последние два дня, но застать подругу так и не сумела. Длинные равнодушные гудки преследовали ее теперь даже по ночам.

– Неудача по всем фронтам, – подвела Аня неутешительный итог.

– Ты преувеличиваешь, – попытался подбодрить ее Макс. – Прошло не так много времени.

– Сколько еще ждать? И что делать? Сидеть сложа руки?

– Думать, – расцвел улыбкой Снежко.

– Думать?! Только и всего? – возмутилась девушка.

– Вот именно.

– Но это значит – бездействовать, – поддержал Макс свою девушку. Снежко повернулся к нему всем телом и пристально взглянул в глаза.

– Я так понял, что ты признаешь только действия? – спросил он снисходительно.

– В отличие от тебя – да, – парировал Макс. – Тебя, как я вижу, все вполне устраивает.

– Ну, если вы настаиваете на активности... – Александр вопросительно обвел глазами всех присутствующих, внимательно вглядываясь в лица. Очевидно, он прочел там что-то, понятное ему одному, потому что сказал со вздохом: – Будь по-вашему. Только бегать я никуда не собираюсь. Мне тут очень удобно, а суетиться понапрасну не люблю.

– Умное замечание, – заметила Анна с неприязненной иронией.

Снежко покачал головой и поправил:

– Мудрое – так будет точнее.

– В чем отличие-то? – удивился Макс.

– Умный знает, как выбраться из трудной ситуации, а мудрый просто никогда в нее не попадет, – с готовностью пустился тот в объяснения. В его глазах прыгали чертики. Он явно дразнил остальных, но его игру понимала только Яся. Она тоже была очень мудрая.

– Анечка, тебя не затруднит включить компьютер? – продолжал резвиться Саня.

– Тебе надо, ты и включай, – отмахнулась та. – Господи, ну почему она не звонит?!

– Тут есть несколько вариантов, – откликнулся Снежко, послушно усаживаясь за компьютер. – Один из них – ей не удалось выполнить твою просьбу.

– Глупости. Пойти и снять копию. Что тут сложного? – возмутился Макс.

Снежко ответил не сразу. Он изучал иконки на рабочем столе.

– Библиотека Хантингтона не областной читальный зал, – сказал он, когда нашел то, что нужно. На экране выскочила табличка подключения к Интернету. – Ваша подруга, как я понял, ни разу там не была. Есть отчего растеряться. Она умеет работать с каталогом и картотекой?

Анна не смогла ответить на этот вопрос. Нурия, если по-честному, вообще не имела высшего образования, а большую часть жизни проработала на заводе наладчицей. Снежко заметил Анину растерянность, но, как ни странно, не стал пользоваться моментом и язвить.

– Почту получить не желаете? – спросил он, неожиданно сменив тему. – Ваш ящик переполнен.

– Черт, я ее дней пять не получал, – спохватился Макс. – Будь другом, получи, пожалуйста, а я пока сделаю для всех кофе. Анята его варить так и не научилась, а нам сейчас стоит подкрепиться.

– По себе знаю, от кофе мозги мобилизуются, – подтвердила Яся.

– Ну что ж, устроим мозговой штурм, – вздохнула Аня.

Минут через пять Снежко снял пальцы с клавиатуры, потянулся и зевнул.

– Мне кажется, там письмо от твоей калифорнийской подружки, – сообщил он с деланным безразличием. Макс, который как раз вошел в комнату, чуть не выронил поднос с посудой. Аня с воплем бросилась к компьютеру. Все уставились на мерцающий на мониторе короткий текст:

«Анька, я влипла по-крупному. Мне конец. Я слишком много знаю. Очень прошу тебя приехать. Если успеешь»

Письмо заканчивалось именно таким образом. Последнее предложение не имело точки и выглядело оборванным. Зная дотошную аккуратность Нурии, Аня могла предположить только одно: подруга не успела закончить послание и отправила его так, как есть. Но и этого оказалось достаточно, чтобы напугать Аню до полусмерти. Все в письме было не так. Нурия никогда не называла ее Анькой. Нурия была патологически вежливой и никогда не стала бы требовать приезда в категорической форме. В письме ни словом не упоминалась просьба Анны. И даже если бы Нурия не смогла ее выполнить, она принялась бы долго извиняться и скрупулезно объяснять, что произошло. И наконец, Нурия никогда не попадала в истории, тем более – не «влипала» в них...

У Нурии работал автоответчик, который голосом Нурии без усталости просил оставить сообщение после сигнала. В конце концов Аня, шмыгая носом, продиктовала: «Нурия, не могу до тебя дозвониться. Очень беспокоюсь. Когда бы ты ни вернулась домой, позвони мне немедленно».

Ни вечером, ни утром следующего дня Нурия так и не позвонила.

Накануне Снежко проявил неожиданную настойчивость и попытался остаться ночевать, но Яся и Макс совместными усилиями выпроводили гостя, опасаясь, что его неосторожные высказывания заставят доведенную до белого каления Анну перейти к рукоприкладству. Девушка и так весь вечер хищно косилась в его сторону.

На завтрак Яся приготовила вкуснейший омлет с сыром и грибами, но ни у кого, включая саму повариху, аппетитное кушанье не вызвало энтузиазма. Аня вяло возила вилкой по тарелке, в которой остывал омлет. Выглядела она на тройку с минусом: под глазами темные круги, густые волосы всклокочены, кожа цветом как асбест – серо-белая.

– Нужно и в самом деле что-то делать, – робко сказала Яся, покачав головой.

Макс пожал плечами. Он делал вид, что просматривает газету. Отличный предлог, чтобы не видеть перед собой бледное лицо любимой девушки. Он не знал, как ее утешить, а смотреть на ее мучения было выше его сил.

Блуждающий взгляд Анны уперся в газетную страницу. В нижнем углу размещалось небольшое объявление: «Провидица Василиса. Уникальный дар предвидения». Девушка горько усмехнулась и прошептала:

– Если бы я могла знать...

– По-моему, вы зря расстраиваетесь, – сказала вдруг Яся. На этот раз ее голос звучал решительно. – Подруга просила приехать к ней. Так за чем дело встало? Нужно ехать. На месте разберемся, что к чему.

– Легко сказать. Это ж не в соседнюю деревню смотаться. Калифорния все-таки. – Макс попытался рассуждать здраво, но Анна уже загорелась. Не слушая никого, она помчалась собирать вещи, посадив Ясю за телефон – обзванивать авиакассы. Скоро выяснилось, что нужные билеты есть, но возникла новая проблема. Макс не мог лететь в Америку немедленно – у него была просроченная виза. А Анна не желала ждать ни дня. Со своей стороны Макс категорически воспротивился тому, чтобы девушка отправилась за океан одна. Их яростный спор пресекла Яся.

– С тобой поеду я, – сказала она просто.

Аня так обрадовалась, что забыла спросить, откуда у простой горничной виза США и немалые деньги на билеты. За последние дни способности Анны связывать концы с концами явно перестали соответствовать количеству этих самых концов, торчащих отовсюду и связываться не желающих. Зато Яся, к удивлению своих новых друзей, развила бурную деятельность. В результате уже через день обе они беспрепятственно поднялись на борт самолета в сопровождении высокого, небрежно одетого молодого мужчины. На его присутствии настояла... Яся. Она убедительно доказала, что, собравшись в такую даль, грешно не взглянуть на таинственный сборник своими глазами, а смотреть на раритет сподручнее в присутствии специалиста. Анна не стала возражать. И торжествующий Александр получил приглашение. Макс утешал себя тем, что Снежко, как представитель сильного пола, сможет защитить женщин от неожиданностей. У его девушки было на этот счет свое собственное мнение, но она оставила его при себе. Сил на препирательства у нее не было. Она решила просто игнорировать присутствие неприятного ей человека и начала с того, что притворилась спящей в самолете.

Аня думала о Нурии. Она думала о ней во время полета, в аэропорту, проходя паспортный контроль, и даже в такси, которое мчало тройцу по живописным улицам Сан-Марино.

Такси выехало на берег океана. Дом, в котором жила Нурия, стоял почти на самом пляже. До этого Аня видела его только на фотографиях, но сразу узнала двухэтажный особняк в псевдоиспанском стиле. Ее несказанно обрадовало, что в двусторчатых французских окнах первого этажа горел свет. Нурия жила одна, и это могло означать только то, что подруга наконец-то дома. Уличный фонарь подсвечивал разросшиеся кусты азалий возле крыльца, усыпанные еще не раскрывшимися розовыми бутонами. Крона векового дерева в полдома высотой, с причудливо сплетенными воедино стволами, нависала над крыльцом как живой тент. Все вокруг выглядело необычным, мирным, почти волшебным.

– Сказка! – выдохнула Яся восхищенно.

В сыром вечернем воздухе приятно пахло горящими дровами. Задрав голову вверх, Аня разглядела над трубой белый выходящий дымок и снова испытала облегчение. Она ничуть не жалела, что совершила утомительный перелет. Уверенность в безопасности подруги и радость от скорой встречи все искупали.

Аня взошла на крыльцо и собралась позвонить, но прежде обернулась, чтобы позвать спутников. Они смотрели на океан – раскинувшийся до горизонта зеленовато-голубой простор, более темный на глубине и с нежными жемчужными прожилками ближе к берегу. Там, где волны набегали друг на друга, их пронизывали лучи сочного предзакатного солнца, и вода переливалась разноцветными бликами. Ветер срывал с волн хлопья белой пены и швырял ее на песок. Девушка негромко окликнула друзей, они подошли к ней, и она позвонила.

Щелкнул замок, дверь приоткрылась на ширину цепочки. Из щели выглянул испуганный серый глаз и часть бледной щеки.

– Лелька! – Удивление Анны мгновенно сменилось возмущением. – Ты чего дурью маешься? Ты что, меня не узнала?

До них донесся громкий вскрик, следом загремела и упала цепочка, дверь распахнулась, и молодая девушка, почти девочка, с рыданиями бросилась Анне на шею.

– Хорошенькое начало, – задумчиво проговорил Александр Снежко.

И впервые Ярослава Викторовна была с ним полностью согласна.

Глава 9

– Если я правильно поняла, ты не догадываешься, куда подевалась твоя мама? – растерянно спросила у Лели Аня.

За то время, что они не виделись, Лелька успела превратиться из угловатого подростка в ухоженную юную женщину, однако распутившаяся красота лишь подчеркивала печальные изменения. Жизнерадостная и смешливая Леля заметно осунулась, под глазами залегли темные круги, а в глазах плескались тревога и страх.

Хозяйка и гости разместились на веранде и теперь совместными усилиями пытались прояснить ситуацию. Только Снежко самоустранился. Он улизнул во двор и шатался там без дела, разглядывая окрестности. Его поведение раздражало Анну, и она то и дело косилась на него через окно. В один из таких моментов она заметила, то Александр разговаривает по мобильнику. Это ее удивило. Ей даже показалось, что Снежко постарался сделать так, чтобы его звонок остался незамеченным.

Рассказ Лели занял совсем немного времени. Она точно так же понятия не имела, что произошло, и терялась в догадках. В этот дом она приехала всего шесть часов назад, так как в течение нескольких дней не могла дозвониться матери. У них была традиция созваниваться каждый вечер, и, за редким исключением, правило соблюдалось свято. Кусая губы, Лелька твердила, что мама никак не могла исчезнуть надолго, не предупредив об этом ее, и еще больше пугалась сказанных слов.

– Когда ты говорила с мамой в последний раз? – Яся ласково взяла Лельку за руку. Девушка послушно наморщила лоб, пытаясь припомнить.

– Шестнадцатого, нет, кажется, пятнадцатого вечером, – бубнила она.

Аня подавила тяжелый вздох: в тот же день она передала подруге свою просьбу скопировать в библиотеке сборник «Жертва любви». А на следующий день она исчезла.

– Мама не показалась тебе встревоженной? – продолжала мягко расспрашивать Яся. – Или, может, ты заметила что-то странное?

– Нет! – Леля с силой стиснула тонкие пальчики. – В этом-то все и дело. Мы разговаривали как обычно, только...

– Что?

– Ну... – Девушка явно смутилась, потом тряхнула головой, словно отгоняя неприятные мысли. – Да что теперь скрывать. Тем более что вы, тетя Аня, наверное, и так в курсе дела.

– О чем это она?

– Ты хотела сказать про мамину идею выйти замуж? – спросила Аня у Лели подчеркнуто ровным тоном. Леля грустно кивнула. Аня призналась: – Меня эта новость тоже слегка озадачила.

– Вот видите! – Несмотря на отчаянные попытки сохранить самообладание, голос девушки предательски дрогнул. – Я так и знала, что добром это не кончится. Маму как будто загипнотизировали! Она никогда не обращала особого внимания на мужчин, говорила, что ей от природы достался слабый темперамент, а тут как с цепи сорвалась. Этот негодяй ее словно околдовал! В ее-то годы! – Девушка прикусила губу и безнадежно махнула рукой.

– Ну, это ты зря, – возразила Яся с усмешкой.

– Сорок пять, – машинально ответила Леля.

Снежко хихикнул и замурлыкал что-то про ягодки. Яся кивнула:

– Отличный возраст.

Леля смотрела на нее недоуменно, потом покраснела и выпалила:

– Скажите, а вы смогли бы вот так... так...

– Легко. Чего тут сложного? Было бы в кого, а за мной дело не станет.

– Тут я с тобой не согласна, – решительно возразила Аня. – Лично мне кажется, что лучше бы этого «кого» в случае Нурии не было.

Леля взглянула на нее с благодарностью. Только Яся ничуть не смутилась.

– По-моему, вы драматизируете, – пожала она плечами.

– Но ведь мама пропала!

– Это факт. Но не доказано, что она пропала из-за своего нового знакомого. Кстати, что тебе о нем известно, девочка?

– Ничего, – развела та руками. – Мама не захотела рассказывать.

– Мне тоже, – предвосхитила вопрос Аня.

– Такого не может быть, – уверенно заявила Яся. – Особенно в твоем случае, Леля. Вы общались каждый день. Наверняка были какие-то оговорки, намеки, случайно вырвавшиеся слова. Вспомни. Сейчас важна любая мелочь.

– Я попробую, – прошептала девушка. Она сжала виски пальцами. Несмотря на явное желание быть полезной, у Анны появилось ощущение, что Леля пытается о чем-то умолчать. – Он старше мамы, причем намного. Она вскользь упомянула об этом, когда я высказала предположение, что ее ухажер – обычный альфонс. У мамы были деньги, а сейчас полно молодых парней, готовых изобразить что угодно за то, чтобы их поставили на довольствие богатые стареющие дамы.

– То есть этот тип не из таких? – подвела итог Яся.

Леля кивнула.

– Интересно, он не из русских? – встрял вдруг Снежко.

– Нет. Кажется, американец. Хорошо образован. Мама рассказывала, как они обсуждали какую-то премьеру с Каннского фестиваля, и она стеснялась раскрыть рот, так как половины из сказанного им не понимала. Вообще-то, мама много читала и Гогена с Гюго не путала, но в некоторых вопросах ориентировалась плохо и не могла поддержать разговор. Кроме того, этот человек приглашал ее в театр, водил на какую-то экспозицию или выставку, я точно не помню, я тогда не особо прислушивалась...

– Все это понятно, – снова подал голос Саша, – где же еще старикам проводить время, как не в очагах культуры?

– По-хорошему прошу, заткнись! – прошипела Аня.

– Пока вы тут переливаете из пустого в порожнее, у меня уже живот к спине прилип, – проворчал он. – Я есть хочу.

– Потерпишь.

– Это еще почему? – поднял он бровь.

– Потому, что мы пытаемся выяснить...

– Глупости! Чисто женская логика, – бросил он презрительно.

– Ты не откажешься продемонстрировать нам пример мужской? – миролюбиво предложила Яся.

Снежко сунул руки в карманы и пожал плечами.

– Да сколько угодно. Есть всего два вопроса, которые имеют значение в данный момент времени: как зовут жениха и где он живет. – Он взглянул на Лелю: – Вы можете на них ответить?

Она опустила голову:

– Нет.

– Вопросов больше не имею. Остальное – полный бред.

– Ты жесток.

– Да вовсе нет. Это вы тетку раньше времени хороните. Ну, познакомилась она с мужчиной, ну, решила провести с ним какое-то время. И что тут трагичного? Почему она обязана отчитываться перед кем-то? Она, если я правильно понял, уже большая девочка.

– Нурия просила о помощи, – сурово напомнила Аня.

Сделав вид, что не замечает ее недовольства, Александр развязной походкой приблизился к ней вплотную.

– Как ты можешь ей помочь? – спросил он напрямик. Аня не нашла, что ответить. – На дворе ночь, приставать к кому бы то ни было с расспросами глупо, да и неясно пока, к кому, собственно, приставать, если даже дочь и лучшая подруга не в курсе.

– Что ты предлагаешь? – спросила из своего угла Яся.

– Разумный вопрос, – откликнулся он. – Я предлагаю отложить все разговоры до утра, поужинать, наконец, и как следует выспаться.

Циничное предложение было встречено без энтузиазма, но возразить было нечего, и вскоре Снежко получил вожделенный ужин, который съел в гордом одиночестве – Аня и Леля задолго до того ушли спать.

Едва перешагнув порог этого дома, Анна ощутила нависшую в воздухе опасность. Что-то странное, зловещее витало вокруг. Лелька старалась казаться искренней, но явно чего-то недоговаривала. Аня чувствовала это кожей. Бесцветный голос девушки, оборванные на середине фразы, непонятные намеки производили тягостное впечатление. Что же она скрывает и как заставить ее довериться? От неприятных мыслей у Ани разболелась голова.

На правах лучшей подруги Аня осталась ночевать в спальне Нурии. В комнате пахло любимыми духами подруги. Однажды Анна уже гостила здесь, но, боже мой, насколько все стало по-другому. В прошлый раз Нурия с восторгом показывала Ане новый дом. Он воплощал ее самые радужные мечты. Да что там, о таком она даже не мечтала.

Нурия крайне настороженно отнеслась к появлению в своей жизни зятя-миллионера. Ей не хотелось быть от кого-то зависимой. Она с гордостью рассказывала, как сэкономила на обстановке, купив все оптом на какой-то распродаже. Дом был в хорошем состоянии, и она обошлась косметическим ремонтом.

«Может быть, все еще обойдется», – подумала Анна с надеждой. Она достала чистое белье и застелила постель. Ей даже удалось задремать, но примерно через час с небольшим что-то ее разбудило. Ей послышался тихий шорох непонятного происхождения. Животных Нурия не держала, она их не любила. Так кто же сейчас скребся в самом темном углу?

Анна напряженно прислушалась.

Ничего.

Наверное, это просто нервы. Анна всегда плохо спала в незнакомом месте. В конце концов ей удалось расслабиться, но сон ушел. Девушка лежала на кровати, бессмысленно глядя в темноту. Когда она ложилась спать, в окно светила непривычно большая, яркая луна, но сейчас ночное светило скрылось, за стеклом царил непроглядный мрак, даже звезды осыпались с неба.

Анна вновь задремала и уже сквозь сон поняла, что в комнате кто-то есть. Она в испуге распахнула глаза, отчаянно напрягая слух и зрение, оставаясь при этом неподвижной. Сердце колотилось. Темнота вокруг была такой густой, что ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки. Лишь циферблат электронных часов светился напротив неоновым светом. Зеленые цифры «01:31» будто парили в воздухе.

Внезапно они исчезли.

Анна не сразу осознала, что произошло. А когда поняла – покрылась холодным липким потом. Кто-то загородил собой часы. Кто-то стоял между кроватью и каминной полкой. Она слышала тиканье, но ничего не видела.

Ужас парализовал ее.

Несколько долгих минут ничего не происходило. Неужели ей повезло и невидимка ее не заметил? Думать так было большой ошибкой, так как нечто в темноте явно переместилось в сторону кровати. То есть – в ее сторону!

Неожиданно к девушке вернулась способность быстро соображать. Сработал инстинкт самосохранения. Не вполне осознавая, что делает, она перекатилась на другую сторону кровати и вскочила на ноги. Она больше не таилась и этим застала полночного гостя врасплох. Она вдруг услышала его частое дыхание и заметила резкое движение в темноте, вслед за которым раздался сдавленный стон. Слава богу, это был человек, а не призрак: налетев на стул, он выдал себя. Это помогло девушке сориентироваться. Теперь она знала, где ее противник. Пользуясь темнотой, Анна попыталась отползти подальше от того места, где находился пришелец. Ее мозг продолжал лихорадочно работать, захлебываясь адреналином. Она уже догадалась, что имеет дело не с обыкновенным домошником. Представитель этой криминальной профессии, заметив, что в комнате кто-то есть, предпочел бы улизнуть, а незваный гость явно планировал добраться до самой Анны. Почему?

Анна двигалась. Ее противник делал то же самое. Они все еще не видели друг друга и ориентировались только на слух. Аню трясло так, что даже просто стоять на месте было трудно. Ей не хотелось умирать. Попасть в рай от руки неизвестного убийцы? Она считала это сомнительной честью. В этом райском уголке, на берегу безбрежного океана, смерть выглядела особенно безобразной.

Часы! Они могли послужить спасительной точкой опоры. Но эта же мысль одновременно пришла в голову преступнику. Анна успела заметить их за секунду до того, как тот шваркнул их об пол. Его действия запоздали. Теперь она понимала, где находится. Дверь была совсем рядом. Осталась всего пара шагов. Два шага до спасения, она должна сделать их хоть ползком.

Трр-ррах!!!!

Что-то брякнулось о стену рядом с ее головой. От удара из стены брызнули крошки штукатурки. Анна не вскрикнула лишь потому, что не успела испугаться. Он чем-то швыряет в нее, поддон, чем-то увесистым. Промолчав, она спасла себе жизнь, но поняла это гораздо позже. Убийца изо всех сил старался заставить ее выдать свое местонахождение, вот и метал в нее все, что ни попадя. Ему нужно было прицелиться, чтобы знать, куда стрелять.

Аня, дрожа всем телом, нагнулась и сняла с ноги шлепанец, а потом наугад швырнула его в темноту. Тапка шмякнулась о дверь ванной комнаты, и тут же в ту сторону метнулась стремительная тень.

Вот оно что! Стрелять-то в нее и не собирались! Ну что ж, умно. Лишний шум ему ни к чему. Куда безопаснее придушить жертву в темноте или свернуть ей шею. Анна рассуждала об этом отстраненно, как будто речь шла не о ней. Защитная реакция мозга делала свое дело.

Пока убийца гонялся за ее тапкой, Аня использовала несколько выигранных секунд, которых ей хватило, чтобы нащупать дверь и предусмотрительно запертый замок. К счастью, ключ оказался на месте, она нашарила его дрожащими пальцами. Кожа на руках стала липкой от пота, ключ скользил. Но вот он повернулся, едва слышно щелкнул, дверь подалась, и Анна вывалилась в коридор, дыша как загнанная лошадь. Свет неяркого бра на стене ослепил ее после полной темноты, Анна зажмурилась. Не отрывая глаз, она захлопнула дверь, привалилась к ней спиной и наконец-то с облегчением заорала.

– Какого черта?

– Что случилось?

– Аня, ты жива?

Хор голосов – испуганных, сонных, недовольных – звучал для нее как музыка. Анна остро, до боли осознавала, что не умрет. По крайней мере, этой ночью.

Глава 10

Вскоре Аня кое-как успокоилась и смогла относительно связно поведать о своих приключениях.

– Из твоего рассказа следует, что это был обычный вор, – заключила Яся. – Могу тебя успокоить, домушники никогда не идут на мокрое дело, так что тебе ничего не угрожало. Дом стоит на отшибе, на пустом пляже. Решеток на окнах нет.

– Но я никогда ни о чем подобном не слышала! – возмутилась Леля. – Это очень спокойный, фешенебельный район.

– Ты еще повтори вслед за Снежко, что мне все это приснилось. – От пережитого Анна сделалась раздражительной.

– Что ты! Я тебе верю! – тут же пошла на попятный девушка. – Яся права, бродяга мог забрести сюда с окраины. Там их пруд пруди в любое время года. Странно, что такого не случилось раньше. И вообще...

Она замолчала на полуслове, так как в комнату вошел Снежко. Не останавливаясь и не глядя на женщин, он прошагал к бару, мрачно изучил шеренгу бутылок, выбрал виски, налил себе полстакана и разом опрокинул в рот, даже не поморщившись. После этих манипуляций он плюхнулся в кресло напротив перепуганной троицы и уставился на них, аккуратно пристроив на коленях газетный сверток.

– Ну, убедился, что я говорю правду? – спросила Анна агрессивно.

– Да, – нехотя признал Снежко и помрачнел еще больше. – Я убедился. В том, что все еще хуже, чем ты думаешь.

– Куда уж хуже, – проворчала Аня. – Он хотел меня убить.

– Помолчи. – Анна вскинулась было, но под взглядом Яси промолчала. – Значит, так. В спальню влезли через окно. То, что в ванной, аккуратно взломано. Неудивительно, что ты ничего не услышала. В комнате все вверх дном. И ничего не пропало!

– Выходит, это был не вор, – мрачно поправила ее Анна.

– Правильно, – неожиданно одобрил Саша. – Вот это валялось возле кровати. – С этими словами он начал медленно и осторожно приоткрывать свернутую газету. По комнате поплыл тошнотворный запах, потом они увидели прозрачный пакет с куском мягкой ткани внутри. Аня тут же узнала тот запах, который напугал ее недавно.

– Что за вонь? – отпрянула Леля с гримасой отвращения.

– Хлороформ, – коротко ответила Яся и нахмурилась.

– Это предназначалось для меня? – пробормотала Анна, только сейчас начиная осознавать, чего ей удалось избежать.

– Возможно, – кивнул Саша, тщательно завернул газету и бросил ее на пол.

– Ты еще сомневаешься? – с обидой в голосе спросила Аня.

Саша кивнул, но не для того, чтобы позлить ее.

– Мы только накануне приехали, – пояснил он миролюбиво. – Ты ночевала в комнате Нурии. Значит, логично предположить, что именно ее ожидали найти там сегодня ночью. С меньшей вероятностью это может быть ее дочь, которая была в этом доме частой гостьей. Тебя, Аня, там быть не могло по определению, понимаешь? Если только предполагаемый преступник не ясновидящий, – добавил он со скептической усмешкой.

– Твои гримасы следует понимать в том смысле, что в ясновидящих ты не веришь? – тихо спросила молчавшая до сих пор Яся. Саша не ответил, но его взгляд был достаточно красноречив.

– Подождите, но почему вы сказали, что в качестве жертвы могла оказаться я? – испуганно спросила Леля, про которую на время забыли. – Я никому не причинила зла. У меня нет врагов!

– Враги не всегда бывают из числа обиженных, – пожал Саша плечами. – Ты забыла, кто твой муж?

– Значит, деньги, – протянула Яся задумчиво. – Что ж, и это вполне вероятно.

– Выходит, тот, кто был в комнате, мог просто перепутать? – спросила Аня недоверчиво.

– Не знаю, – признался Саша.

– У меня странное ощущение, что все события последних дней как-то связаны между собой, – призналась Анна. – И муж Лели с его миллионами тут совсем ни при чем, – добавила она грустно.

– А кто при чем? Шекспир? – спросил Снежко саркастически.

– Может быть, – не приняла Анна шутки.

– Но это же лишено смысла!

– Может быть, когда мы соберем вместе все то, что лишено смысла, нам как раз и откроется то, в чем заключен смысл.

– Вот что, барышни, строить гипотезы вы продолжите завтра утром, а сейчас отправитесь спать. Немедленно.

Утром поиски продолжились.

От соседей друзья ровным счетом ничего не добились, хотя добросовестно обошли все окрестные коттеджи. Некоторые жильцы вообще впервые узнали, что живут бок о бок с россиянкой. Похоже, бытующее в России мнение о том, что в Европе и Америке не принято интересоваться чужой личной жизнью, имело вполне реальную почву.

Последней зацепкой оставалась библиотека. По правде говоря, Анна больше всего хотела снять с себя ответственность, ей не давала покоя мысль, что исчезновение подруги каким-то образом связано с ее просьбой. В результате все, кроме Лели, оставшейся дома на случай, если Нурия все-таки даст о себе знать, отправились в книгохранилище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.